

АМАНДА

Бит

Девушка

МИЛЛИАРДЕРА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

— Я не хочу больше... Я ошиблась.

Роберт подходит, прижимает к стенке, наклоняется к моим губам.

— Что случилось? Я знаю, что тебе понравилось.

Шёпотом произношу:

— Я не вещь, чтобы продаваться.

— Поздно. Запомни: ты принадлежишь мне. И этого никто не сможет изменить. Если бы не согласилась по собственной воле, я бы запер тебя здесь и сделал бы своей пленницей. Потому что я всегда добиваюсь своего. Любыми способами.

Я проклинаяю тот день, когда мы с ним случайно встретились. Роберт Шевцов, миллиардер, у которого все есть, захотел сделать меня своей на время. Он вынудил меня согласиться. Теперь я принадлежу ему, и я боюсь, что мне никогда не выбраться из его плена.

Пленница миллиардера
Аманда Вин

Глава 1

Роберт

Покупаешь самую дорогую эскортницу, а она ещё и опаздывает. Ненавижу непунктуальность. Сажу в самом дорогом номере Москвы уже пять минут. Да, в Эмиратах обслуживание лучше.

Снимаю пиджак, сажусь в кресло. Наконец, слышу, как кто-то прикладывает карточку к двери номера и заходит. Быстро проходит и хочет открыть дверь в спальню. Говорю:

— Стой, где стоишь!

Девушка замирает.

Совсем договор не читала? А мне только начало нравится это агентство. Все анализы в норме, знают мои правила, посылают только тех, кто не успел переспать со всеми подряд. Новеньких, но опытных. А эта, видимо, ничего не знает. Вижу ее силуэт через дверь. Стоит, ждёт. Велю ей:

— У двери лежит повязка. Завязывай глаза.

Слышу, как она неуверенно копошится. Повязку что ли не может найти? Или завязать трудно? Мне начинает это надоедать. Зачем они прислали мне такую глупую шлюху, которая даже мои правила выучить не может, не ценят самого богатого клиента?

— Я завязала, — наконец, слышу ее голос.

Выхожу в прихожую и смотрю на неё.

Брюнетка, хотя в анкете была блондинка. Перепутали? Но я не злюсь: девушка неплохая, стройная, грудь небольшая, как мне нравится. Губы красивые... Не сильно разукрашена. И отличается от других. Давно не видел таких: как будто сама невинность, хорошо играет. Хотя девственниц я не заказываю, мне не нужна лишняя морока. И то положение, в котором я предпочитаю, девственницам не подходит.

Девушка стоит, мнётся, потирает руки. Обычно я прям тут велю раздеться и сразу связываю руки за спиной и уже потом веду в кровать. Но на этот раз меняю привычный сценарий. Говорю ей:

— Дай руку и иди за мной.

Неуверенно протягивает руку, хочет что-то сказать, но передумывает, и правильно, болтливых не люблю. Когда касаюсь ее руки, замечаю, какая она холодная. Вспоминаю дурацкую поговорку, где-то слышал: руки холодные — сердце горячее. И что с ней не так, это только я за руку взял, а она вся как будто сжалась. Боится меня? Знала же, куда идёт.

Веду и разглядываю ее. Представляю, как сейчас она разденется, я завяжу ей руки, пожалуй, ноги не буду, поставлю на четвереньки, войду в нее сзади, и уже почему-то планирую вызвать ее в следующий раз, хотя обычно мне это не нравится: трахать одну и ту же несколько раз.

Подвожу ее к кровати. Чувствую у меня в штанах уже все наготове. Как интересно: она ещё даже не раздалась, а я уже возбуждён. Приказываю:

— Раздевайся.

В комнате приглушённый свет, но я хорошо вижу, как вспыхивают ее щеки. Что с ней? Я ее первый клиент? Такие у меня были раньше, но они безропотно подчинялись, и даже наоборот, отдавались порой так, как уже более опытные не умеют.

После паузы начинает быстро говорить:

— Я понимаю, что это эротический триллер, но мне обязательно сейчас раздеваться? Можно без этого обойтись?

— Ты договор читала? Со мной запрещено разговаривать.

Меня одновременно и злит, и смешит эта ситуация. Злит, потому что в паху становится неприятно от недостатка места, а она все ещё одета. И смешит, потому что первый раз вижу, как девушка по-настоящему смущается и волнуется. Не знал, что эскортницы это умеют.

— Ты начинающая? — спрашиваю спокойно.

— Да... Я только начинаю карьеру...

Зло усмехаюсь. Карьеру она начинает. Трахаться с богатыми — карьера? Хотя если посчитать, сколько я заплачу за одну ночь... Многие эти деньги и за всю настоящую «карьеру» не заработают. Ничего против такой работы не имею. Сам предпочитаю только таких, знающих своё место. Для снятия напряжения очень удобно: чистые и красивые девушки, знающие свою «работу».

А вот эта не знает, что нужно делать.

И мне начинает это надоедать, второй раз за вечер решаю нарушить свои правила: помогу ей раздеться. Она в водолазке и юбке, так хорошо подчёркивающей ее бедра. Подхожу и тяну молнию вниз.

Хватает меня рукой.

— Что вы делаете?

А вот этого я точно не потерплю. Я не позволяю шлюхам ко мне прикасаться без разрешения. Рычу на неё:

— Стой смирно, я помогу тебе раздеться!

— Нет! — отпихивает меня, отстраняется и снимает повязку с глаз. Блядь. Не ожидал такого. Стоит и смотрит на меня испуганно. Зато я готов убить.

— Ты что делаешь? Договор надо читать перед встречей, если ничего не знаешь! После такого тебя уволят.

— Извините, я передумала, я не буду сниматься в вашем фильме, — отвечает и направляется к двери. Догоняю и преграждаю дорогу. Ни одна девушка не уходила от меня так: чтобы я остался здесь с таким стояком один? Хотя понимаю: секс уже не получится. Она сняла повязку. Видела меня. Это не в моих правилах. Видеть девушек должен только я, а они просто делают то, что мне нужно.

Но я все равно не хочу ее отпускать, говорю:

— Ты никуда не уйдёшь!

— Пропустите меня... Я же сказала, фильм...

— Про какой, блядь, фильм ты говоришь?

У неё начинают капать слёзы из глаз. Какая нежная. Мне неистово хочется взять и завязать ей глаза обратно, потому что терпеть не могу плачущих женщин.

Начинает рассказывать:

— Милана сказала, что здесь проходит кастинг, что я должна буду прийти и делать все, что вы скажете... Но я не думала, что надо раздеваться. Я не могу...

В голове начинает проясняться. Вспоминаю. Милана — это именно та блондинка, которая должна была сегодня прийти. Мне присылали ее фото, посмотрел мельком. И это не та девушка, что сейчас передо мной, точно. Значит, Милана не пришла и послала вместо себя подругу? Бред какой-то, так никто никогда не делал, против правил, ее уволят, если уже не уволили.

Спрашиваю:

— Как тебя зовут?

Девушка прекращает плакать и смотрит мне в глаза, отвечая на вопрос:

— Меня зовут Алиса.

— Значит, ты не эскортница?

Алиса округляет глаза, смотрим так, как будто поражена до глубины души.

Я все больше себе удивляюсь: меня не претит от ее взгляда. Наоборот, даже нравится смотреть в ее глаза. Необычные: яркого серого цвета. Никогда таких не видел: может, это линзы? Даже думаю: как хорошо, что она сбросила повязку: не увидел бы эти глаза. Сам себя одёргиваю: какая разница, какого цвета глаза, раньше меня это нисколько не интересовало. Мне больше нравилось смотреть, насколько упругие ягодички и какая грудь... какой вид сзади на четвереньках.

— Нет, что вы, я актриса. Начинаящая, — отвечает, наконец.

— Фамилия? — спрашиваю.

Смотрит недоверчиво, но все-таки говорит «Одинцова».

— Ты думала, что здесь проходит кастинг фильма, серьезно? — усмехаюсь.

А она опускает глаза в пол.

— Значит, начинающая актриса, сколько тебе лет?

Видно, что ей не хочется больше отвечать на мои вопросы. Но все-таки процеживает сквозь зубы:

— Мне двадцать два. Могу я теперь уйти?

Улыбаюсь.

— Постой секунду.

Ищу свой пиджак и достаю визитку. Протягиваю ей:

— Обращайся ко мне по любому вопросу. Если нужно, могу и фильм для тебя снять.

Она сжимает губы, морщит лоб, отвечает:

— Спасибо, не надо.

Пытается пройти, но я хватаю ее за руку и вкладываю визитку в руку. Она поспешно уходит, визитку все-таки забирает. Отмечаю: руки у неё теперь тёплые.

Сажусь в кресло, зажигаю сигару. Мой ритуал после секса — а в этот раз пришлось без него.

Из головы не выходит. Что в ней такого? Обычная простушка, каких много. Думала сняться в эротическом триллере? Поверила Милане и явилась в номер отеля. Кто вообще устраивает кастинги в отеле?

Притворяется или, правда, такая наивная?

Чем-то она меня зацепила. Алиса Одинцова, значит. Почему мне кажется, что она может быть горячей штучкой, когда разденется, хоть и выглядит простенько.

Пусть пока идёт домой, знаю точно: мы еще встретимся.

Алиса

Я почти бегу из этого отеля, даже в пустом лифте оглядываюсь. Мне страшно, что он догонит меня, затащит в номер и заставит раздеваться. Что дальше — не хочу представлять.

От его властного металлического голоса до сих пор мурашки. «Раздевайся».

Я не из пугливых и робких. Я так думала. А перед ним дар речи потеряла. Не могла сразу оттуда уйти? Зачем только надела повязку?

Хотя в повязке было не так страшно. Когда я его увидела, стало хуже.

Высокий, в деловом костюме, с накаченными мышцами, видно. Небрежная щетина на лице.

Понятно — точно не режиссёр. Скорее, с такой внешностью ему самому можно в фильмах сниматься. Старше меня лет на десять-пятнадцать, наверное. Но при этом возраст придаёт ему только больше мужественности.

Я не могла больше секунды выдержать его взгляд... Смотрел так, как будто я его собственность. И как будто все в мире принадлежит ему. Он сильно напугал меня.

Сегодня я поняла, что значит выражение «раздевает глазами». Вот он меня раздевал. И ещё демонстрировал свою эрекцию... Или не демонстрировал, просто я заметила, когда он перегородил мне дорогу и схватил за руку. Мне бы улепётывать оттуда сразу же. А я стояла, послушно на вопросы отвечала. Что за гипноз?

Какая же гадина эта Милана. Не ожидала от неё такого.

Подошла ко мне вчера.

— Алис, я знаю, что ты давно ходишь по кастингам, ты же училище театральное заканчивала? Не хочешь на один сходить, знакомый организует? Фильм 18+, но платят очень хорошо. Необычный формат. Зайдёшь и сделаешь все, как говорят.

Ага. Блин, вот дура, что повелась. Про Милану разные слухи ходили. Мы с ней раньше вместе работали в кафе. Зарплата у нас небольшая. А у неё стали появляться дорогие шмотки, телефон, машина. Потом и вовсе работу бросила. Разное про неё говорили: про богатого папика, про то, что спит за деньги, но я не верила.

Милана иногда заходила поболтать, я думала, что мы хорошие знакомые, в общем-то, я верила, что она хорошая девчонка. А она меня так подставила.

Пытаюсь отдышаться. Теперь все хорошо. Я уже еду на метро домой, и больше со мной таких неприятностей не случится. Надо разучиться доверять людям.

В тот миг я ещё не знала, что мои неприятности только начинаются и что я буду ещё не раз стоять с завязанными глазами перед тем мужчиной.

***

Роберт

Не знаю, в чем дело. Может оттого, что это первый раз так: девушка меня завела, и я ее после этого не вы*бал.

Может, потому что она оказалась не той, кем я представлял. Не знаю.

Только вот теперь я не могу выкинуть из головы эту Алису.

Идёт серьёзное совещание с партнерами. Нужно принять важное решение: продавать акции или придержать ещё на некоторое время. А в голове эта девушка, которая так и не разделась.

Когда она вышла из номера, первая мысль была — догнать и вернуть. Потом успокоился: не мой метод, если захочу — никуда от меня не денется.

И вот теперь я хочу. Даже не знал, что во мне может проснуться настолько сильное желание обладать кем-то. Раньше даже особого внимания не обращал на анкеты шлюх, которые должны были прийти. Какая разница? Все красивые более или менее. И ощущения одни и те же. Главное — проверенные чтобы были, без зараз.

После совещание в кабинет заходит помощник.

— Вот все сведения о девушке, про которую вы просили узнать. Все, что удалось, извините, немного. Он кладёт папку на стол.

Машу рукой — знак оставить меня одного. Выходит.

Открываю папку, и мои глаза сразу застывают на фотографии. Алиса улыбается, смотрит куда-то в сторону. Необычная красота, вчера не показалось. Притягивает взгляд, не искусственная кукла.

Алиса Одинцова — значит, не соврала. Кто же говорит незнакомцам настоящее имя и фамилию? Наивная или глупая.

В прошлом году окончила актерское училище в Москве, ни в каком театре сейчас не числится, в фильмах не снимается, по кастингам ходит часто. Значит, мечтает стать звездой.

А ведь я могу ей в этом помочь.

Пробегаю глазами дальше.

Отец Алисы погиб в автокатастрофе семь лет назад.

Живет с дядей и его семьей... Микуниным Станиславом Викторовичем. Странно, что фамилия другая. Неродной дядя? Да, вижу: с ее отцом были двоюродными братьями. Сирота, значит, отсюда и амбиции?

Задумываюсь на секунду. Микунин, где-то я слышал эту фамилию. Ищу на своём компьютере, нахожу нужный файл. А вот это уже интересно, знакомая личность. Как удачно, что это ее дядя...

Улыбаюсь, в моей голове зреет беспроектный вариант развития событий. Алиса ещё пожалеет, что ушла вчера из номера и оставила меня с нереализованным желанием. Теперь одной ночью ей точно не отделаться.

Алиса

До Миланы не могу дозвониться: как будто сквозь землю провалилась. Ладно, придётся просто забыть эту историю, хотя не получается: когда иду по улице, постоянно оглядываюсь, и даже сейчас, дома, чувствую необъяснимую тревогу.

В комнату заходит тетя Вера:

— Алис, посидишь сегодня вечером с Пашкой? У тебя же выходной сегодня.

— Простите, тетя Вер, нас сегодня всех с кафе посылают работать на благотворительном вечере...

— Ужас, совсем вас без выходных оставляют. Ладно, попрошу соседку.

Тетя Вера выходит из комнаты.

Становится неудобно, хотя я знаю: она не злится на меня. Обычно я никогда не отказываюсь: мне очень жалко тетю Веру и дядю Стаса, у их сына, Паши, серьёзное заболевание, он не может ходить, и ему постоянно требуется присмотр.

И я ещё на их шею свалилась после смерти отца.

Но благотворительный вечер, на котором я должна буду подавать бокалы богатым гостям, тоже пропустить не могу: можно заработать десятку сразу.

Владелец кафе, итак, меня туда обычно не берет, а сегодня отправил помогать.

Заработаю — принесу домой. Смогу ещё немного походить по кастингам. Хотя, признаться честно, я уже начинаю отчаиваться: никто не даёт мне роли. «Мы вам перезвоним». Ненавижу эту фразу. Чем я им не подхожу? Что во мне не так?

Я была бы рада и маленькой роли для начала. В груди жалобно щиплет: как же не хочется опускать руки и сдаваться. Я обещала самой себе стать известной и успешной актрисой, и я ей стану, чего бы мне это ни стоило.

***

У меня трясутся коленки, когда среди гостей благотворительного вечера я вижу того человека, который неделю назад собирался меня раздеть. Ещё и Наташа, другая официантка, шепчет на ухо:

— Ты не представляешь, кто это, я чуть не умерла, когда подходила предложить ему шампанское.

— И кто это? — спрашиваю шёпотом.

Наташа начинает громко верещать:

— Ты с какой планеты? Роберта Шевцова не знаешь? Он один из самых богатых людей не только в России, но и в мире. Ума не приложу, что он здесь делает, в списках нет.

Смотрю на неё недоверчиво, может, она с кем-то его перепутала? Вряд ли самому богатому человеку нужны девушки, которые спят с ним за деньги... Хотя откуда мне знать?

Сглатываю, он смотрит прямо на меня.

Бросает в жар от этого взгляда, лучше бы я посидела сегодня дома с Пашкой. Этот Роберт наверняка меня узнал, и что мне теперь делать?

Я пытаюсь собраться, чтобы нормально обслуживать гостей. Только жалоб на работе мне не хватало.

Наташа подходит ко мне с потерянным видом:

— Ну, ты и пронира, ты что знакома с Шевцовым?

— О чем ты? Нет...

— Он просил позвать тебя.

— У меня много работы.

— Иди. Ты что, быстро, нельзя заставлять гостей ждать, — говорит другая девушка, которая слышала наш диалог.

Я набираю воздуха побольше и подхожу к нему. Мы на благотворительном вечере. Не съест же он меня при всех?

Первый со мной здоровается:

— Здравствуй, Алиса.

Я вздрагиваю: ещё не забыла этот голос. Сейчас он говорит тихо, но ощущается все так же: как будто он отдаёт приказ, у меня мурашки бегут по коже.

— Здравствуйте, будете шампанское? — пытаюсь играть свою роль.

Он улыбается.

— Нет, — показывает мне бокал в руках.

Вот дура, не заметила, что уже есть у него, Роберт продолжает:

— Выглядишь соблазнительно в этом платье, если бы ты тогда в нем пришла, я бы точно не отпустил тебя.

Смотрю на него внимательно: он шутит? Это обычная форма официантки. Но щеки предательски вспыхивают. Ещё недавно мне казалось, что я научилась управлять своим смущением, подчинять робость. Нет, четыре года на актерском прошли напрасно. Или это он так на меня действует?

— Я бы ушла от вас в любом случае. Я уже объяснила, что это ошибка, — говорю громче, чем нужно, на нас начинают оборачиваться.

Улыбка пропадает с его лица, сверлит меня взглядом и говорит:

— Буду ждать тебя после работы в своей машине, довезу до дома. И не вздумай убежать — хуже будет, я знаю, где ты живешь.

Он уходит.

Строю план побега в голове: ускользну через чёрный ход.

Подбегает Наташа и начинает допытываться, о чем мы говорили.

— Да ерунда. О шампанском, — отвечаю ей.

— Господи, ты вообще понимаешь, как тебе повезло? Такой мужчина с тобой разговаривал, а у тебя лицо было такое, как будто ты лимон проглотила. Хотя я бы, наверное, тоже рядом с таким вела бы себя, как дура. Какое телосложение у него, видела? Вот что значит настоящий мужчина. И денег гора и есть на что посмотреть. Такое бывает?

— Наташ, перестань его обсуждать. Мне неинтересно!

— Что перестань? Ты же актрисой хочешь быть, надо искать спонсора, — смеётся, а затем спрашивает:

— Ты слышала про Милану?

— Нет, что с ней?

— Говорят, уехала за границу жить. Переспала с кем надо и вот теперь в шоколаде. Учись, — Наташа многозначительно поднимает бровь. И уходит, наконец.

Не знаю, что в последнее время творится с этим миром. Вселенная хочет убедить меня, что я не справлюсь? Мысленно посылаю фак в ответ. Справлюсь, и не с таким справлялась.

Но после работы в машину Шевцова все-таки сажусь (он предусмотрительно открыл окно и помахал мне рукой).

В перерыве я немного погуглила. Действительно, богатый человек. Ещё его отец разбогател на каких-то иностранных акциях, теперь он унаследовал компании и заводы по всему миру. В уголовных делах и скандалах не замешан. О личной жизни ни слова. Только то, что не женат, детей нет. В интернете только одна-единственная фотка.

Мне стало просто интересно: о чем такой человек хочет со мной поговорить? Что ему от меня надо. Так я убеждала себя: а на самом деле в голове засела его фраза, что если что, он меня найдёт. Не хотелось проверять на практике. Поэтому я сажусь в его чёрную машину. Очень дорогую машину, никогда в таких прежде не сидела.

— Поужинаешь со мной? — спрашивает, как только я сажусь в машину.

Его тон не терпит возражений. Я киваю против своей воли. Да что со мной такое? Опять боюсь его и млею перед ним. Надо это заканчивать. Прямо сегодня вечером. Нужно выяснить, что ему от меня нужно. Видимо, он неслучайно появился на этом вечере, где я работаю. И сейчас везёт меня ужинать. Зачем?

При водителе спрашивать неудобно. Поэтому я молча сижу. Вжимаюсь в кресло и с ужасом представляю, чем может закончиться сегодняшний вечер. Роберт сидит рядом и даже не смотрит в мою сторону.

Машина останавливается напротив ресторана «Мишель». Я слышала, что это любимое место московской элиты. Естественно, никогда раньше не была тут.

Смотрю на здание, открыв рот, даже не замечаю, как миллиардер открывает мне дверь и спрашивает:

— Пойдем?

Мы заходим.

Внутри все блестит, как будто каждый сантиметр усеян бриллиантами. Народу не очень много. Но все женщины одеты в длинные платья в пол, а мужчины в дорогих костюмах. Я мельком смотрю на своего спутника: по нему сразу видно, что он хорошо зарабатывает. Костюм на нем так сидит, как будто специально для него шит. А вот мое чёрное платье тут совсем не к месту, дешевое, обычная униформа официантки в недорогом кафе, хоть и хорошо на мне сидит.

О чем переживаю? Какая разница. Я не на свидание с ним пришла.

К нам подбегает сопровождающий, отводит нас в отдельную комнату „VIP“. Там только один стол, уже накрыт на двоих.

Роберт делает заказ, даже не спрашивает, чего мне хочется.

И хорошо, потому что мне вообще ничего не хочется, только сбежать отсюда. И цены бешеные. Но это ожидаемо.

Когда официант уходит, я собираюсь с духом и спрашиваю:

— Так о чем вы хотели со мной поговорить?

— О тебе, — ставит руки на стол и беззастенчиво пялится на вырез платья.

— Что обо мне?

— Я дал тебе свою визитку, почему не позвонила?

— Не вижу смысла.

— Я думал, ты хочешь стать актрисой. Я мог бы тебе в этом помочь.

— Зачем вам это?

— Хочу, чтобы ты стала моей на время, — говорит серьезно, на этот раз смотрит в глаза.

Я так удивлена его ответом, что на несколько минут теряю дар речи. Но зато больше не смущаюсь, а наоборот злюсь.

— Вы думаете, все в этом мире покупается и продаётся? Да вы ненормальный! — встаю из-за стола.

— Сядь, — велит он мне. Хочется уйти, но я послушно возвращаюсь на место. Вот черт. Точно, как будто гипнотизирует меня.

— В чем проблема? — спрашивает спокойно, как будто не он хотел купить меня только что.

Издевается?

— Я не товар в магазине.

В этот момент к столику подходит официант и ставит перед нами блюда, которые я раньше видела только на картинках. В нашем кафе таких не готовят. Их жалко есть, наверное, только оформляли полчаса.

— Ешь, не беспокойся, я заплачу, — говорит он. Неправильно понял мой взгляд.

— У меня есть деньги, — отвечаю.

— Я тебя пригласил, и я заплачу за твоё время.

Мы молча едим. Хотя аппетит после такого разговора не очень. Я пробую блюдо, которое для меня заказал Роберт. Потрясающе вкусно приготовлено. Мельком поглядываю на моего спутника.

Наташа права, он красив. Богат. Зачем ему платить за секс, не понимаю, он может, если захочет, встречаться с любой. Наверное, даже я пошла бы с ним на свидание, если бы он научился нормально с людьми разговаривать.

— Как вас зовут, вы даже не представились, — спрашиваю, когда мы переходим к десерту. Делаю вид, что не знаю, кто он. Еда всегда так влияет на меня: расслабилась и решила поболтать с ним, как будто мы давно знакомы.

— Роберт.

— Необычное имя.

— Моя семья большую часть жизни жила за границей.

— А чем вы занимаетесь?

Он, видимо, удивлён сменой моего настроения, приподнимает брови и с интересом смотрит на меня.

— Бизнесом, разным.

— Зачем вам нужна я? — задаю вопрос, который больше всего меня интересует.

— Потому что мне так захотелось, а я всегда получаю то, что мне хочется.

Реакцию на его слова я не понимаю: разум требует встать и уйти. А вот тело дрожит, вжавшись в стул, и обдаёт жаром. Я как будто в фильме снимаюсь, где я главная героиня, и меня хочет главный красавчик.

Вот только я никогда не была главной героиней. Ни в жизни, ни на сцене. И мне не нравится эта роль. Потому что я боюсь этого мужчину.

В жизни сказки бывают только с печальным концом. Я знаю.

Собираюсь с духом: нужно встать и уйти, но Роберт говорит:

— Тебе и решать ничего не надо, у тебя нет выбора.

Я даже закашлялась от удивления. Резко пересохло в горле. Спрашиваю:

— Как это нет выбора?

Снова улыбается, но не так, как обычно улыбаются люди. А как-то высокомерно.

— Скоро узнаешь. А вообще, можешь согласиться и сегодня. Подумай о будущем. О своей семье. Я могу оплатить операцию твоего брата.

Откладывая еду в сторону. Откуда он знает о моей семье?

— Ему не поможет операция.

— А вот мои люди нашли клинику в США, где проводится пока ещё экспериментальное лечение его болезни, уже есть положительные результаты. Он мог бы стать одним из первых,

кому удалось победить болезнь.

— Вы шутите.

— Нет.

— И что, это только ради одной ночи со мной вы хотите потратить уйму денег?

— Нет, не ради одной ночи.

— Сколько же? — спрашиваю я, а голос дрожит.

— Молодец, уже торгуешься. Может быть, месяц, а может, два, пока мне не надоест.

— Это исключено, — я встаю из-за стола и направляюсь к двери.

Точнее, почти убегаю. На улице вызываю такси. Смотрю на второй этаж, где мы сидели с ним, сквозь зеркальную стену видно, Роберт как ни в чем не бывало попивает коктейль.

Зачем вообще все это выслушивала? Я же не собираюсь соглашаться? Хотя, когда я подумала про Пашку, представила, что он сможет ходить... Он этого достоин. Единственный ребёнок дяди и тети, какая несправедливость, что у таких замечательных родителей родился ребёнок с редкой болезнью. Они очень любят его. Но так страдают оттого, что не могут помочь.

Дядя с тетей после смерти отца забрали меня к себе. Не знаю, что я делала бы без них. Они растили меня с пятнадцати лет, как будто я их родная дочь. Заменяли мне семью... Вернее будет сказать, они показали мне, что вообще значит «нормальная семья». Моя мама ушла из дома, когда мне было лет семь, папа говорил, что она ушла к другому, бросила нас, я до сих пор не знаю, где она и жива ли...

Отец у меня был хороший, работал врачом в поликлинике. Все свободное время уделял мне. Но ужасная авария забрала и его.

Пока ехало такси, я даже задумалась на секунду: если он говорит правду про Пашку, может, согласиться? Я могла бы сполна отплатить этой семье... У моего брата может быть полноценная жизнь. Семья, девушка. Он ведь очень умный, на пять лет младше меня, любит учиться, но его физические способности мешают ему наслаждаться жизнью...

Подъезжает такси, и я прячу ненужные мысли подальше: я сама себя перестану уважать, если буду с кем-то спать за деньги. И что потом со мной будет, когда я ему надою? Буду работать, как Милана, и спать с богатыми? Нет, я не хочу такой жизни.

Роберт

Девчонка ломается. Не знаю, как лучше на неё надавить и не перегнуть палку. Не понимаю даже, о чем она думает.

По этой причине я и перестал связываться с обычными девушками и стал брать проверенных эскортниц. Все «обычные» вешались мне на шею, параллельно расстёгивая ширинку, когда узнавали, кто я и сколько у меня денег. Это надоедало.

Они ничем не лучше шлюх, только гонора больше. Такие же, на все готовые. Еще и требуют слишком много после посредственного секса.

Эскортницы хотя бы знают своё место. Знают, что после встречи больше не увидимся (в моем случае вообще идеально — они даже не видят моего лица). А «обычные» после одного раза начинали думать, что одни такие, думали, что теперь я позову их замуж. Это бесило до жути. Приходилось долго объяснять, что мы больше не увидимся.

— Разве тебе не понравилось?

— Понравилось, спасибо.

Потом следовали ругательства, угрозы сообщить в прессу, как я люблю связывать женщин. И помешан на БДМС. И это я их пальцем не трогал. Не бил, не унижал. Никакого насилия.

При чём здесь БДМС?

Предпочитаю связанные руки лишь потому, что не люблю, когда меня трогают. А закрытые глаза — потому что неприятно, когда они смотрят. Никакого зрительного и тактильного контакта.

Просто я так привык и так устроен. У всех свои особенности. Вот — мои.

Приходилось откупаться большой суммой от случайных любовниц, пока, наконец, не понял: эскортницы — наилучший вариант.

И вот теперь я изменяю своим же правилам. Но и Алиса — исключение. Она знает, кто я, теперь знает. И я все ещё не увидел ее голой. Интересно. Никто ещё так долго меня не дразнил и не играл со мной в кошки-мышки.

Алиса

На следующий день дядя Слава приходит домой необычайно взволнованный и счастливый.

Кричит прямо с порога:

— Вы представляете, что я нашёл? Вот смотрите, — он достаёт брошюру из сумки и протягивает тете Вере.

Я подхожу к ней и тоже читаю.

«Центр лечения редких заболеваний...» Тетя восклицает:

— Стас, это же в США.

— Ну и что, ты прочитай, там про Пашкину болезнь есть. Эффективность первых испытаний — 90 %, дети ходить начинают, ты представляешь?

— Ты видел стоимость? — тетя Вера отказывается радоваться.

А вот сияющий дядя улыбается во все зубы:

— Найдём фонд, соберём деньги!

— Таковую сумму не соберёшь.

— Где вы это нашли? — спрашиваю я у дяди.

— Сегодня увидел на работе, кто-то оставил на столе, представляешь, какое совпадение?

Я уйду в свою комнату. Иначе они увидят мое лицо и догадаются. Какой кошмар. Он и брошюру моему дяде специально подсунул?

Дядя работает в строительной компании, как там ещё могла оказаться брошюра о лечении редких болезней за границей.

Я сажусь за компьютер и ищу информацию:

«Любовницы Роберта Шевцова», нет ничего. Только статья о том, что он ещё не женат, является самым завидным женихом не только в России, но и в мире. Спасибо.

Потом смотрю информацию о центре из брошюры. Действительно, такой существует. Статьи в основном на английском.

Начинаю читать истории выздоровления. Слезы непроизвольно капают из глаз. Я эгоистка, раз отказываюсь от такого шанса для брата?

Если так дальше пойдёт, то я сдамся. Нужную для лечения сумму никогда не собрать, даже если вся Россия скинется по рублю. И если он готов такие деньги выложить только, чтоб я переспала с ним, то можно ли назвать меня после этого «дешёвкой»? Вряд ли.

Но я все равно отмахиваюсь от этих мыслей. Хотя внутренняя борьба уже началась.

***

Через неделю случается ужасное.

Я весь день провожу на работе. Кажется, моя временная подработка незаметно превращается в постоянную. На пробах снова отказы.

Когда я прихожу вечером домой, первый раз за всю жизнь вижу, как тетя плачет навзрыд. Дядя сидит рядом, гладит ее по спине. И Паша тут же на инвалидном кресле с испуганным лицом.

— Как такое могло произойти? Звони быстрее этому человеку, узнай, что можно сделать, — всхлипывает тетя.

— Что случилось? — я бросаю сумку у входа и кидаюсь обнимать тетю.

— Твоего дядю подставили, — сквозь слёзы говорит она.

Спустя полчаса, когда тетя успокоилась, они рассказали мне все с самого начала. Дядя два года назад делал экспертизу почвы для строительства. Сейчас выяснилось, что экспертиза была сделана неверно. Какой-то бизнесмен начал строить торговый центр, все провалилось, он понёс большие убытки и теперь подал в суд на моего дядю. В лучшем случае все закончится большим штрафом. В худшем — реальным сроком. И дядя не сможет после этого найти работу.

— Я уверен, что все сделал правильно. Я не понимаю, как это могло произойти. Наверное, я смогу доказать свою невиновность. Вот, мне дали визитку человека, который мне сможет помочь.

Я протянула руку и взяла визитку в руки. Шевцов Роберт Викторович.

Конечно. Кого ещё я могла там увидеть?

Роберт

Не хотел использовать такие методы. Но ситуация с братом не прокатила. Хотя сумма, которую я готов заплатить за этот центр лечения, намного больше, чем я обычно трачу на женщин.

Играет она со мной?

Не знаю, только все больше ее хочу, кажется, скоро мое желание станет настолько нестерпимым, что придется просто похитить и запереть у себя дома...

Но я не дикий варвар, чтобы так поступать.

Нет, силой брать не хочу. Алиса должна сама захотеть.

Хочу, чтобы она сама пришла ко мне.

Никогда не связывал женщин принудительно, и ее не буду.

Она согласится рано или поздно.

Я узнал ее дядю по фамилии, пересекались по одному строительному проекту. Хорошо работает, но слишком доверчивый человек, за его спиной мой знакомый провернул выгодную для себя сделку: собирается строить здание в Подмосковье, в месте, где это запрещено. А там стоит подпись этого Микунина. Знаю, что она была поставлена обманом. Но фактически он несёт ответственность.

Я все равно собирался это пресечь: мне не нравятся грязные методы. Я привык работать честно. И вот как удачно сложилось: именно про ее дядю недавно искал информацию, чтобы начать расследование.

Только до знакомства с Алисой эту информацию я хотел использовать против своего партнера.

А теперь собираюсь против ее дяди... Но это временно. Только лишь для того, чтобы она согласилась, чтобы ей было легче согласиться.

После совещания секретарша сообщает, что меня ждёт девушка в коридоре. Сердце начинает стучать чаще: пришла на повинную. Как я и рассчитывал.

Только вот врывается Алиса ко мне в кабинет совсем недружелюбно, с порога начинает кричать:

— Что вы делаете? Как вы могли? Я обращусь в полицию.

Моя секретарша хлопает глазами. Понимаю ее удивление. Во-первых, никогда никакие девушки в мой офис не приходили. Я разделяю работу и секс. Даже ни разу не заводил интрижек с секретаршами. Во-вторых, никто никогда не разговаривал со мной в таком тоне.

Жестом велю секретарше выйти из кабинета. Когда она выходит, спокойно сажусь на кресло и говорю Алисе:

— Успокойся, сядь, поговорим.

Алиса тяжело дышит, но все-таки садится. Мне нравится наблюдать, как она теряется в моем присутствии. Интересно, сколько мужчин у неё было, выглядит не очень опытной: вот и сейчас краснеет, опускает глаза в пол.

Затем неожиданно, чуть ли не плача, произносит:

— Пожалуйста, оставьте моего дядю в покое, он хороший человек. Он ни в чем не виноват.

Слеза капает на стол, она быстро вытирает большую каплю рукавом.

У любого другого могло бы дрогнуть сердце, но не у меня. Я рядом с ней чувствую сильное желание, хотя всегда ненавидел плачущих женщин. Сам не понимаю, когда и отчего успел возбудиться. Может, эта блузка слишком сильно обтягивает ее грудь. Говорю:

— Я подготовил для тебя контракт. Подпишешь, и все будет хорошо. И с твоим дядей, и с твоим братом. И с тобой.

Поднимает взгляд и смотрит на меня переполненными от слез глазами. А из неё может получиться хорошая актриса. Любой другой — посмотрел бы на неё и заплакал бы. Но мне сочувствие не знакомо.

Я встаю и достаю из портфеля подготовленные документы, протягиваю ей.

— Можешь взять с собой, изучи дома. Естественно, дяде с тетей не показывай, это только для нас с тобой.

Ее взгляд меняется: становится злым. Крепко сжимает губы, наверное, еле сдерживается, чтобы не кинуть мне в лицо какое-нибудь ругательство.

Но Алиса встает, молча берет документы и выходит из кабинета. Сильно хлопает дверью.

Я уверен, она почти моя.

Алиса

Никогда не чувствовала себя так паршиво. Как будто я заложница или пленница. У меня нет выбора. Просто, потому что какому-то миллиардеру захотелось со мной поиграть. Ну за что мне это? Чем я заслужила? И почему именно я? Та же Милана или Наташка были бы рады такому предложению... Кинулись к нему в постель, сверкая пятками.

Но я не хочу.

Не могу. Чисто физически не могу. Может, и ему сказать, что у меня большие проблемы, тогда он отстанет?

У меня никогда не было близких подруг и мамы, с кем я могла бы обсудить интимные темы. С тетей Верой тоже не могу, стесняюсь.

У меня был парень на первом курсе — Кирилл. Он мне нравился, и я ему тоже. Но когда дело дошло до секса, я все испортила. Он не смог в меня войти. Потому что мои мышцы как будто произвольно сильно сжимались, было очень больно.

Мы пробовали несколько раз, так ничего и не вышло. Мы расстались. До конца учебы не могла смотреть ему в глаза...

Я ходила к врачу. На приеме было так же неприятно, ужасно. Врач на меня только накричала, так и не объяснив, что со мной такое и как это лечится...

Поставить на себе крест и повесить табличку, что секс — это не для меня?

Конечно, дело не только в этом.

У меня есть принципы. Любовью надо заниматься по любви. Я даже думала потом, может, с Кириллом ничего не вышло, потому что он мне нравился, но я не любила его по-настоящему. Представляла, как встречу парня, с которым у нас будет та самая любовь, тогда и в постели все получится...

И вот теперь мне предлагают заниматься сексом без любви. И это для меня все как страшный сон.

Допустим, будет у нас первый раз... Роберт так же, как мой первый парень, попробует в меня войти, ничего не получится. И я даже не представляю, как он разозлится. И что со мной сделает. Я хотела сказать сегодня, что со мной все плохо. Чтобы он отстал. Но не смогла.

Я не знаю, что мне делать. Я пропала.

Вечером пришел расстроенный дядя, сказал, что заседание суда назначено на следующую неделю. Из комнаты до меня доносятся обрывки разговоров:

— К Шевцову завтра собираюсь, но я не понимаю, как это поможет. Может, без его помощи обойтись, нанять адвоката? Но сейчас лишних денег нет...

— Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем.

В комнату заезжает на коляске Пашка. Выглядит неважно. Как будто ещё больше поухудел за последние дни. От этого его зелёные глаза кажутся невероятно большими.

— Если бы не надо было покупать мне дорогие лекарства, у родителей не было бы проблем, — говорит медленно, с трудом выговаривая каждое слово.

У меня сжимается сердце. Я подхожу и обнимаю брата.

В эту самую минуту решаю: я подпишу чертов договор.

Какая разница, что будет со мной?

Моя жизнь ничего не стоит. Я должна уберечь близких людей от горя. Если у Пашки есть шанс выздороветь, а дядя с тетей, наконец, заживут без забот, без постоянных разъездов по больницам, то что ещё нужно?

Перед сном читаю договор.

Смешно. Нелепо говорить о таких вещах в официально-деловом стиле.

Алиса Одинцова обязуется

— исполнять все пожелания Роберта Шевцова.

— два-три раза в неделю приезжать в номер гостиницы. (Координаты будут высланы заранее).

— иметь интимные отношения во время действия договора только с Робертом Шевцовым.

Договор можно расторгнуть только в одностороннем порядке.

И прочая, и прочая хрень. Не могу больше читать.

Беру ручку и ставлю подпись. Все, теперь некуда отступить.

Я подхожу к зеркалу и рассматриваю себя, пытаюсь отыскать то, что ему могло понравиться во мне.

Бледная кожа, обычные непримечательные серые глаза.

Да, я мечтаю стать актрисой, но у меня нет выдающейся внешности, я хотела бы завоёвывать внимание людей игрой. Но судя по тому, как заканчиваются мои пробы, таланта у меня тоже нет...

Я ищу его визитку. Нахожу на дне сумки, не выкинула все-таки. Пишу и отправляю на номер его телефона сообщение.

Роберт

За ужином с деловыми партнёрами приходит сообщение от Алисы «Я подписала». Чувствую что-то похожее на радость, давно такого не испытывал. Приблизительно то же самое ощущал, когда подписывал деловой договор, о котором давно мечтал. Только в этот раз предвкушение ещё жгучей. Все внутри зудит от предчувствия наслаждения.

Может, играет роль долгое воздержание: в последнее время много работы, вообще, как с ней встретились в том номере, ни разу не удалось снять напряжение. Дождусь, когда Алиса окажется передо мной на все готовая. Тем более что ждать осталось совсем недолго.

Алиса

На следующий день он сам мне позвонил и сообщил, что скоро за мной приедет водитель. Я попросила ждать меня у остановки, недалеко от моего дома. Не хочу лишних вопросов от тети.

Я, итак, понятия не имею, что потом рассказывать? «Извините, вы хорошо меня воспитали, но теперь я буду любовницей миллиардера за деньги». Меня аж передергивает от мыслей, что они могут узнать.

Я не стала красиво одеваться. Не такое у меня настроение, натянула джинсы и майку и обречённо побрела на остановку. Как на каторгу. Дорогая, знакомая мне машина уже ждала меня.

Сажусь, водитель вежливо здоровается со мной.

Без объяснений трогается с места, понимаю по картинкам за окном, везёт меня в центр. Останавливается напротив какой-то частной клиники, судя по вывеске. Поворачивается ко мне и говорит:

— Вам на третий этаж. 324 кабинет. Буду ждать здесь.

Выхожу из машины и иду, куда велено. Это ещё что такое? Он записал меня к врачу?

Подхожу к нужному кабинету.

Да, как я и думала, там написано «гинеколог».

Интересно, все его девушки ходят к этому доктору?

Как раз в ту минуту, когда я собираюсь постучать, дверь открывается и приятная женщина средних лет в очках говорит:

— О, вы вовремя. Одинцова? Проходите, пожалуйста.

Колени начинают непроизвольно дрожать. Я ещё не забыла свой прошлой опыт похода к врачу.

Пытаюсь успокоиться: а вдруг она мне напишет какую-нибудь справку, что я нездорова, и Роберт оставит затею обладать мной?

Хотя тогда Пашка не сможет пройти лечение, а в своей голове, я уже сроднилась с мыслью, что он выздоровеет.

— Так, вы записались пройти полное обследование, сдать анализы. Верно?

Киваю.

— Давайте сначала на общие вопросы ответим. С какого возраста ведёте половую жизнь?

Начала с самого трудного вопроса. Не знаю, что и отвечать.

Зажмуриваюсь, стараюсь ровно дышать, и... рассказываю ей всю историю про

неудачные попытки.

Врач слушает без осуждения. Уже хорошо. Когда я заканчиваю свою историю, она поправляет очки и спокойно констатирует:

— Понятно, значит, ты половую жизнь пока не ведёшь.

Что-то пишет там у себя в бумагах. Осторожно спрашиваю:

— А что вы скажете про мой случай?

— Сначала посмотрим тебя на кресле.

Я встаю, раздеваюсь, сажусь на кресло. Осмотр проводит почти незаметно. Небо и земля по сравнению с моим предыдущим гинекологом.

— Все ясно. У тебя вагинизм.

— А что это?

— Сейчас все объясню. Сначала анализы возьмём.

Когда она заканчивает, одеваюсь и сажусь напротив.

Врач начинает рассказывать:

— Это рефлексорное сокращение мышц, такое иногда бывает. Особенно у тех, кто ещё не ведёт половую жизнь. Разные причины. Я предполагаю, что твой случай связан с психологическим дискомфортом, может, ты сильно боишься боли. Понимаешь... Я сейчас тебя смотрела, ты, конечно, сжимала мышцы, но не так сильно, чтобы невозможно было проводить осмотр. А бывает и такие случаи, что никакой осмотр нельзя провести.

Может, твой парень был просто неопытный или ты не была готова к близости? Я думаю, с более опытным партнером у тебя все будет хорошо. Обычно после того, как первый раз случается, все симптомы исчезают. Но если у тебя будут жалобы, приходи, будем работать. Может, придётся посетить психолога и поработать со страхами.

Слушаю и краснею.

Одновременно и радуюсь услышанному, и пугаюсь.

Получится с более опытным партнером

Неужели она знает про Роберта?

Как стыдно.

— Если больше вопросов нет, можешь идти, — говорит мне.

Я встаю и собираюсь выйти из кабинета, затем поворачиваюсь, спрашиваю:

— А, анализы?

Отвечает:

— Я все вышлю, как будут готовы на указанную почту, как и было договорено.

Киваю и прощаюсь с милой женщиной.

Было договорено, но не со мной.

Сажусь в машину. Думала, теперь меня отвезут домой. Но нет, этот тяжёлый день, оказывается, только начинается.

После врача меня привозят в салон красоты, там я записана на процедуры по удалению волос.

Очень больно.

Пока я лежу на столе, терплю адскую боль и смотрю в потолок, размышляю: интересно, Роберт всегда так, сам записывает всех своих любовниц и к врачам, и на процедуры?

Такой привередливый и дотошный. Я бы и сама смогла убрать волосы. Вообще-то.

Ему просто нравится унижать.

Затем меня привезли к парикмахеру.

Здесь уж я совсем была разочарована.

Ему вообще ничего во мне не нравится? Чем мои волосы ему не угодили?

— Мне велено не трогать цвет волос и длину, только сделать уходовые процедуры на ваше пожелание. Вы что хотите? — спрашивает у меня парикмахер.

Я так измотана, что отвечаю:

— Делайте, что хотите.

Мастер подравнила мне кончики, а ещё сделала какую-то маску для волос, после неё волосы блестели так, как будто я их покрасила.

Потом увидела чек, который она «отошлёт на указанный адрес».

Больше двадцати тысяч! Офигеть! За какую-то масочку.

И под конец дня по «программе Роберта» было посещение торгового центра со стилистом.

Она купила мне много платьев и гору красивого белья. Даже новое пальто. Хотя осень нескоро.

От усталости я не могла возразить, да на самом деле и не сильно пыталась.

Гадкое чувство внутри.

Превращаюсь в какую-то безжизненную куклу, игрушку, которую наряжают и подстригают по своему усмотрению, а она и слова сказать не может.

Ну вот, я ещё с ним не спала, а мне уже так противно.

Когда я приехала домой, первым делом спрятала все свои покупки подальше от чужих глаз.

Бросилась на кровать без сил. Наконец-то этот день закончился!

Ночью пришло сообщение от Роберта.

— Послезавтра. В 20:00 в том номере отеля, где мы в первый раз встретились.

Он ненормальный точно. Почему нужен именно тот номер? Хочет меня унижить? Там я кричала ему в лицо, что я не эскортница.

Ну вот, а теперь почти ею стала.

Глава 8

Алиса

Собираюсь ехать в отель. Надеваю платье, которое мне купил стилист. Выбираю единственное некричащего цвета и с не очень большим вырезом.

Да, естественно, новое красивое белье тоже на мне.

Первый раз вру тете и дяде — говорю про очередной благотворительный вечер. Добавляю на всякий случай, что, возможно, потом переночую у подружки.

Да, мне уже больше двадцати, и я давно могу жить одна и ни перед кем не отчитываться. Но мне нравится эта семья, нет такого чувства, что хочу побыстрее от них отделиться и жить самостоятельно. Тем более, на жизнь я себе зарабатываю. И помогаю с Пашкой сидеть.

За мной и на этот раз прислали машину. Но другой водитель и машина другой марки — сколько же у него машин? Иду почти без страха, но когда сажусь в машину, начинается мандраж.

С Кириллом, моим бывшим, хоть ничего и не получилось у нас, я так не боялась. А сейчас боюсь, и ясно почему. Потому что это ненормально.

Нормальная ситуация, когда люди сначала знакомятся, узнают друг друга, сближаются, проживают период романтических отношений, поцелуи и все такое. И уже после этого — постель. Последний этап. Я сразу перескочила на финиш.

Знаю, что он не собирается со мной встречаться, а просто спать. Но почему он такой?

Ещё я очень боюсь, что Роберт окажется извращенцем. Мало ли что у богатых на уме. Я уже знаю, что он любит повязку на глаза надевать. Что, если он свяжет меня и будет бить плеткой? Страшно даже думать о таком.

Я не знаю, чего ожидать.

Он привык покупать женщин и делать, что захочет.

Меня утешает лишь тот факт, что я не пойду «по рукам».

Он один. Ну, потерплю сколько там. Не знаю, сколько это вообще длится. Я вообще ничего не знаю.

Пытаюсь ни о чем не думать. Хватит себя мучить. Будет как будет. Я ни в чем не виновата и поступить по-другому не могла.

Машина останавливается напротив отеля. Не заметила, как доехали. Водитель поворачивается ко мне и протягивает карточку — ключ от нужного номера.

В прошлый раз такую карточку мне отдала Милана. Вот с кого все началось. С ее подставы и моей глупости. Если бы я тогда не пришла, не встретила бы с ним, он бы не знал бы меня...

Я нехотя выхожу из машины.

Поднимаюсь на нужный этаж.

Подхожу к двери номера и никак не решаюсь ее открыть. До назначенного времени ещё пять минут. Роберт уже в номере? Или у меня ещё есть время побыть свободным человеком? Оглядываюсь — ещё полчаса назад я была в старом панельном доме самого бедного района Москвы, а сейчас стою здесь, в самом богатом отеле, снять номер в котором — потратить мою месячную зарплату. Как это все не сочетается с моей жизнью. Хочется убежать.

Но я открываю дверь и захожу, тяжело дыша. Чувствую себя так, как будто вхожу в

логово дикого зверя. Повязки на входе нет, и я заглядываю в следующую комнату — спальню. Роберт сидит на диване, нога на ногу, руки в стороны, смотрит на меня. Уравновешенный и холодный, он бывает вообще другим?

Хлопает по дивану рядом, говорит:

— Присаживайся, я не кусаюсь. Пока что.

Я дрожу от его голоса. Надо взять себя в руки. Почему я веду себя настолько робко?

Сажусь рядом, достаю договор из сумки.

— Вы точно отстанете от моего дяди и отправите Пашу на операцию?

— Да, я сделаю все как обещал.

Я не знаю, что говорить дальше. И как тут не смущаться, когда сидишь рядом с мужчиной, который заставляет переспать с ним.

Роберт достаёт какой-то пакет, начинает говорить по-деловому, как будто я пришла к нему на собеседование на должность домработницы:

— Все твои анализы в норме, это таблетки, которые будешь пить каждый день, начиная с сегодняшнего дня... Врач сказала, что они подойдут тебе лучше всего, — он берет, достаёт одну таблетку и протягивает мне вместе с бокалом воды.

Я глотаю таблетку. Горечь во рту.

А он продолжает как ни в чем не бывало:

— Возьмёшь их себе. Не забывай принимать, это на твоей ответственности, залетишь — пойдёшь на аборт, справишься с этим сама?

— Да, — отвечаю и удивляюсь тому, как дрожит мой голос.

Он берет папку, лежащую рядом на тумбочке, открывает и что-то читает. Спрашивает через минуту:

— Скажи, как ты умудрилась остаться девственницей до сих пор?

Мне одновременно становится как будто и жарко, и холодно от его прямого вопроса.

Так и не дождавшись моего ответа, Роберт продолжает:

— Написано про неудачные попытки из-за сильного спазма мышц, — читает вслух и усмехается.

Врач ему и об этом написала, серьезно?

— Что в этом смешного? Если я вам не подхожу, я сейчас с радостью уйду отсюда, а вообще это личная информация, какое вы право имели это читать, — громко спрашиваю, смотрю прямо в его темные глаза.

Роберт перестаёт улыбаться, отвечает приглушённым голосом:

— И откуда ты такая взялась: девственница, а строптивая. Мечтаешь стать актрисой, хотя у тебя все эмоции на лице написаны.

Он пододвигается и проводит пальцем по моей щеке.

— У меня не было девственниц. Не планировал никого лишать невинности.

Затем его палец касается моих губ, приоткрывает мой рот.

Роберт наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Я не хотел заниматься любовью, хотел просто хорошенько потрахаться. Но ты вечно нарушаешь мои планы.

Его рука сползает вниз по моей шее, останавливается на груди.

Спрашивает:

— Ты испытывала когда-нибудь оргазм?

— Нет, — отвечаю я, сглатывая.

Хотя это не совсем правда. Иногда мне снятся эротические сны, и я чувствую в них как будто какое-то наслаждение. Но когда просыпаюсь, не могу понять: приснилось мне это или я действительно испытала удовольствие.

— Не волнуйся, со мной у тебя все получится, только учти — это просто физиология, никаких чувств и отношений между нами. Читала в договоре этот пункт? — спрашивает.

Я киваю.

Роберт тут же прислоняется к моим губам.

Это неожиданно. Он целует резко, напористо, сразу находит мой язык и кружит, как будто хочет подчинить даже в поцелуе. Невозможно не отвечать на его поцелуй.

Прижимает руками к себе.

По сравнению с этим поцелуем все мои предыдущие теперь как будто не считаются. Я, оказывается, никогда и не целовалась по-настоящему.

Мне становится жарко, губы пылают, мы долго целуемся, не отрываясь, я слышу, как Роберт прерывисто дышит. И тоже начинаю так дышать — не хватает воздуха.

Роберт начинает водить руками по моему телу, я не знаю куда девать свои руки и обнимаю его за шею. Он отстраняется. Мы смотрим друг на друга. Я вижу в его глазах что-то необычное, то, чего не видела раньше, но не могу понять что.

Говорит, все ещё тяжело дыша:

— Встань, я завяжу тебе глаза, — и как будто злится.

Достаёт откуда-то повязку и завязывает мне глаза. Туго. Теперь я ничего не вижу.

Хотя я и без повязки вряд ли осмелилась бы открыть глаза от страха.

Роберт берет меня за руку и подводит к кровати (понимаю наощупь).

Расстёгивает молнию на моем платье сзади, мне становится холодно, по коже бегут мурашки. Не понимаю смену его настроения, что я сделала не так?

Платье падает, я остаюсь в одном нижнем белье. Слышу его голос:

— Я знаю, что это твой первый раз, но извини, будет так, как я привык.

Мне хочется спросить «а как ты привык?», но я не спрашиваю, слишком страшно услышать ответ.

По шороху я понимаю, что теперь раздевается он.

Через некоторое время Роберт снова подаёт голос:

— Я завяжу тебе руки, это не больно.

Я не ожидала такое услышать, но выдавливаю из себя:

— Хорошо.

Хотя какое «хорошо»? Хочется убежать. Но поздно, я в ловушке. В его власти.

Слышу, как он подходит ко мне.

— Руки я завяжу потом, сначала надо полностью раздеться.

— Мне самой? — тихо спрашиваю.

— Нет.

Он дотрагивается до лямки бюстгалтера, спускает ее вниз, затем неожиданно снова припадает к моим губам и начинает целовать так же горячо, как и до этого, спускается и целует мою шею, одновременно с этим расстёгивает мне бюстгалтер сзади и снимает его. И снова отстраняется, я слышу его тяжелое дыхание. Или это мое дыхание? Я скрепянию руки, закрываясь от него...

Он берет меня за запястья и разводит руки в стороны.

Затем чувствую, как он дотрагивается до моей груди, и вздрагиваю. Сначала трогает пальцами, затем целует губами... Делает круговые движения языком.

Я сдерживаю себя, чтобы не издавать звуки...

Зачем он так делает?

Приятные ощущения, я начинаю забываться, представляю, что я просто в одном из

своих эротических снов.

Роберт целует мою грудь, а у меня начинает пульсировать внизу живота. Я опускаю руки на его голову, потому что не в силах больше стоять по струнке, из меня вырывается тихий стон. Глажу его волосы. Что я делаю?

Роберт отрывается от моей груди и поднимает меня на руки так легко, как будто я ничего не вешу. Кладёт осторожно на кровать и завязывает мне руки (я не вижу, как именно, но думаю об спинку кровати). Теперь мои руки заведены назад, и я не могу ими пошевелить.

Не смогу больше дотронуться до него. И меня почему-то это расстраивает.

Роберт снова целует меня. Забываю, где я и кто я. Ещё полчаса назад я собиралась «потерпеть», а теперь горячо отвечаю на его поцелуй. Кажется, я ни с кем так не целовалась. Чтобы полностью раствориться в процессе. Мне снова трудно дышать. Одна его рука спускается вниз, проводит по животу вверх-вниз. И залезает в мои трусики. Когда он дотрагивается до клитора, я ощущаю холод его пальцев — или это у меня там так жарко, не знаю... Он водит рукой вверх-вниз, с каждым его движением мне становится труднее дышать.

Роберт начинает делать круговые движения, раздвигает мои половые губы и пытается ввести два пальца внутрь...

Я вся сжимаюсь. Даже прерываю наш поцелуй. Мои руки заведены назад и связаны... Я даже не смогу его оттолкнуть, если мне будет больно. Снова меня окутывает страх.

Роберт медленно снимает с меня трусики.

Целует живот и спускается ниже. Очень медленно... я вся концентрируюсь на его ласках. Как будто я существую только там, где он меня целует.

Он прикасается языком к моему клитору, и из меня вырывается громкий стон. Я так долго сдерживалась, а теперь, кажется, падаю в пропасть. Реальность перестаёт существовать. Я только чувствую, как удовольствие нарастает с каждой секундой, не могу поверить, что кто-то водит языком по самой сокровенной части моего тела.

Раньше, когда я видела такое в фильмах, мне казалось это неправильным и грязным. А сейчас — мне так хорошо, к черту все эти мысли.

Может, секс — это, правда, только удовольствие, физиология, и ничего больше?

— Аааах, — мой долгий стон на выдохе.

Хочется остаться в этом мгновении навсегда. Не хочу возвращаться к реальности.

Хочется, чтобы он никогда не останавливался. Делал это ещё интенсивнее.

Понимаю где-то в остатках сознания: я хочу почувствовать его внутри. И удивляюсь этим мыслям.

Мне хочется, чтобы Роберт вошёл в меня, хотя я не знаю, каково это. Я просто как будто отдалась животным инстинктам и чувствую, как все мое существо требует, чтобы он вошёл в меня сейчас же, иначе я умру от этого желания.

Роберт как будто читает мои мысли, останавливается и ложится на меня.

Я чувствую его твёрдый напряжённый член внизу живота. Страх возвращается. Мне кажется, он очень большой.

Роберт прислоняется к моему уху, шепчет:

— Потерпи чуть-чуть.

И резко входит, одним толчком, меня пронзает острая боль, я вскрикиваю.

Роберт внутри меня, снова целует мои губы, шею. Затем начинает медленно двигаться, боль постепенно отступает. Он издаёт рыкающие звуки, как какой-то хищный зверь,

странно, но от этого я ещё больше расслабляюсь. Все получилось. Как он и хотел, я теперь принадлежу ему полностью. Прямо в эту минуту точно.

Роберт начинает двигаться быстрее, и все мои мысли улечиваются. Снова чувствую, как острое желание скапливается внизу живота. Очень быстрые движения, я слышу его дыхание, чувствую, как ему хорошо... хотя он ничего не говорит.

Мне хотелось бы увидеть его своими глазами и хотелось бы обнять... но руки связаны. Я обхватываю его ногами за спину. Но он берет мои ноги руками и прижимает к кровати. Не разрешает к нему прикасаться даже так...

Постепенно я привыкаю к этому чувству, что во мне есть кто-то, с каждой минутой становится все приятнее и приятнее. Хотя он совсем не нежен сейчас: только резкие и быстрые движения. Не жалеет меня. Его руки отпускают мои ноги и начинают сжимать мою грудь, я не выдерживаю этого прикосновения, и как будто теряю связь со своим телом. Или, наоборот, как будто растворяюсь в нем. Не знаю, с чем это можно сравнить. Чувствую, как наступает высшая точка удовольствия, взрыв — оргазм. Меня как будто оглушает мощным разрядом по всему телу. Я слышу громкие стоны, и с удивлением обнаруживаю, что эти звуки вырываются из меня. Через несколько секунд прихожу в себя и слышу не менее громкое рычание Роберта вперемешку с нецензурной лексикой, через пару движений он останавливается и опускается на меня. Придавливает тяжестью своего тела.

Через минуту освобождает мне руки и ложится рядом.

У меня немного зудит внизу. И болят запястья. Но чувствую себя какой-то наполненной новыми чувствами. Не могу поверить, что только что был мой первый раз. Это было не по любви. С малознакомым человеком. Почему мне тогда так хорошо? Он мужчина, который не любит меня, а просто хочет сделать своей игрушкой.

Роберт снимает с моих глаз повязку. Я морщусь от яркого света. Смотрю на него. Он без одежды. У него красивое тело, накаченные мышцы, пресс. И ниже... Ниже взглянуть я не решаюсь. Краснею. Смущаюсь, как дурочка, как будто это не с ним у меня только что был секс. Роберт произносит:

— Быть твоим первым не так уж и плохо.

Не так уж и плохо.

Лучше бы молчал.

Затем он приподнимается и добавляет:

— Только крови многовато.

Я тоже приподнимаюсь и смотрю на простынь. Замечаю большое алое пятно.

Роберт встаёт, накидывал на себя халат, идёт в душ.

Я лежу на том же месте и испытываю странные эмоции. Я думала, что после ночи с ним не смогу чувствовать себя нормальной. Но вот, я переспала с ним, и мир не рухнул. Хуже того, мне даже понравилось. Черт.

Никаких чувств, это только физиология.

Так он сказал. Надо напоминать себе почаще.

Когда он выходит из душа, я пугаюсь его выражению лица, Роберт как будто переменялся. Снова что-то не так сделала? Почти не смотрит на меня и говорит как-то отрешенно:

— Уже поздно. Переночуй здесь.

— А ты где будешь спать? — зачем-то спрашиваю.

— У меня много спален в доме, найду, кстати, это тебе, на всякие расходы, — достает

из пиджака и кидает на кровать толстый конверт. Он падает прямо рядом с пятном крови.

В горле застревает ком, хочется обозвать его и выгнать поскорей отсюда. Но я молчу.

Он сам уходит. Молча.

Сажусь и начинаю реветь.

Вот теперь чувствую себя неправильной. Зря я подумала, что не все так плохо. Я всего лишь вещь, бездушное тело в его глазах, не более.

Роберт

Выхожу из отеля на свежий воздух, как хорошо дышится.

Бл*дь.

Не знаю, что со мной происходит.

Жалею, что впустил эту девчонку в свою постель.

Девственница! Надо было догадаться.

Я не отношусь к тем, кто фанатеет от целок. Все, что мне было нужно — женское тело, в которое я смогу без труда войти, получить разрядку и выйти, навсегда забыв.

В девственниц не всегда легко войти, а ещё слишком много ответственности и «ценности» вокруг этого первого раза крутится, я поэтому и избегал таких. Или просто не встречал. Да и где их встретишь?

Я не обрадовался, когда прочитал заключение врача, а даже расстроился.

И снова все пошло не по моему плану. Алиса стояла передо мной такая вся незащитная. Я подумал: у неё никогда этого не было, ну неужели свяжу и буду делать, как привык?

Нужно было так и сделать!

Ничего бы с ней не случилось.

Вместо этого начал целовать ее. Целовал во всех местах, там, где ни разу не целовал других женщин, а ее захотелось поцеловать. Что со мной произошло?

Оставляю водителя рядом с отелем, велю ждать здесь, отвезти Алису домой утром. И позвонить мне, если вдруг куда-то уйдёт до утра.

Сажусь в свою машину.

Еду домой по пустой Москве.

Ещё непонятно, у кого из нас был «первый раз» сегодня. У неё или у меня.

То, чем я занимался сегодня, сильно отличается оттого, что я делал раньше.

Раньше я просто разгружался, удовлетворял потребности.

Сегодня меня понесло после поцелуя совсем в другую сторону.

Я никогда ни с кем не целуюсь обычно. Со шлюхами так уж точно не целовался — неизвестно, в каком месте бывали их рты.

И вообще, обмен слюной для меня всегда был не сильно приятным занятием. Иногда — необходимостью. Прелюдией. Это то, что я пропускал обычно. Переходил к самому «интересному».

А с ней почувствовал необходимость начать с поцелуя. Не смог сдержаться. У неё красивые губы, такие сладкие, пухлые. Захотелось узнать ее вкус, коснуться языка. Во время поцелуя пришло желание поцеловать ее везде, где только можно.

Очнулся тогда, когда она дотронулась до меня и почти обняла. Пришлось связать руки.

И самое странное. Какого черта я получил больше удовольствия от ее оргазма, чем от своего?

Я еле сдержался, но все-таки дождался ее. Хотя дела раньше никакого не было до чужого удовольствия.

И оргазм был у меня необычный, не такой, как всегда. Не знаю, в чем дело: в том, что у неё все очень узко, в том, что долго ее хотел или в чем-то другом, но первый раз после секса почувствовал, кроме физического, ещё и душевное удовлетворение. Не возникло обычной

опустошенности и потери интереса к женщине, с которой только что переспал.

Наоборот, хотелось продолжения. Ещё раз. Остаться там. На всю ночь.

Принял в отеле холодный душ, чтобы успокоиться и остыть. Иначе бы не смог остановиться — а у неё там все должно зажить.

Пришлось быстро уйти, чтобы все обдумать и дать ей отдохнуть.

Когда приехал домой, понял, что заснуть не смогу.

Налил себе рома в пустой кухне.

Не могу понять, как к ней относиться и как с ней себя теперь вести.

Мне это все не нравится. Она как будто разбередила во мне старые давно затянувшиеся раны.

Твёрдо решаю больше никогда не отступать от правил. Заниматься любовью я с ней больше не буду. Только физиология, просто секс. Без ласк, лишних поцелуев и быстрый. Просто хочу иметь ее. Как я привык.

Под утро ложусь в постель. И думаю, что зря не остался там с ней. Наверное, мы бы уже вдвоём спали.

И снова думаю не о том. Переворачиваюсь на другой бок. С трудом заставляю себя заснуть и ни о чем не думать.

Через час меня будит звонок водителя:

— Она хочет приехать к вам. Куда ее везти?

Сквозь сон плохо соображаю, разрешаю водителю привезти к себе домой.

Черт. Надо привыкнуть, что Алиса постоянно нарушает мой привычный уклад. Я никого не приглашаю к себе домой. Что ей потребовалась в такой час? Что-то случилось?

Алиса

Я была полна решимости. А ещё сильной злости. Но водитель слишком долго ехал. Так что пыл поубавился. Оказывается, этот миллиардер живет вовсе не в центре, а за городом. В каком-то закрытом элитном посёлке. У них на въезде даже охрана есть, которая проверяет все машины.

Как все серьезно.

Наконец, мы заезжаем в нужные ворота, но сначала долго едем по дороге, справа и слева растут разные деревья, цветы. Мне даже начинает казаться, что я вовсе не в России, а где-то за границей, где круглый год цветёт такая красота.

Водитель останавливается напротив двери. Я выхожу. Он остается ждать.

Удивляюсь его работникам. Они вообще не отдыхают и не спят. Вышла из отеля, его водитель сразу меня окрикнул. Ждал не смыкая глаз?

Открываю дверь. Мне становится страшно. Огромная гостиная. Я такие дома только по телевизору и видела. Все такое современное, дорогое. Страшно и ступать по этому полу. Как будто в музее.

Вот только сейчас и понимаю: да, он действительно, сказочно богат, раз живет в таком доме.

— Зачем ты приехала? — Роберт неожиданно передо мной появляется, видимо, вышел из другой комнаты, а я и не заметила. Спрашивает и смотрит на меня строго.

Блин. Я уже сама не знаю. До этой минуты я хотела просто кинуть ему в лицо обратно его пачку денег. А теперь говорю тихо:

— Я не хочу больше. Я передумала...

— Чего не хочешь?

— В этом во всем участвовать, — отвечаю уже тверже, достаю из сумки конверт и кладу эту пачку денег на стол, который стоит рядом с диваном.

— Ты плохо читала договор? Расторгнуть сделку могу только я, — отвечает спокойно.

— Я ошиблась, я так не могу, — говорю дрожащим голосом, еле сдерживая слезы. Хотя я думала, что их больше не осталось.

Подходит, прижимает к стенке, наклоняется к моим губам.

По телу пробегает приятная судорога. Я вспоминаю то, что между нами были недавно...

— Что случилось? Я знаю, что тебе все очень понравилось, — говорит медленно, почти касается моих губ.

Мое дыхание сбивается.

Смотрю в его глаза, темные, с неведомой мне пропастью, почему я дрожу? Шепотом отвечаю:

— Я не хочу быть вашей игрушкой.

Хочу отвернуться от него, не в силах выдержать его взгляд, но он берет мое лицо в свои ладони, поворачивает к себе. Заставляет смотреть в глаза:

— Запомни: ты принадлежишь мне. И этого никто не сможет изменить. Если бы не согласилась по собственной воли, я бы запер тебя и сделал бы своей пленницей. Потому что я всегда добиваюсь своего. Любыми способами.

Отпускает мое лицо. Обнимает крепко за талию. Прижимает к себе. Я чувствую его

эрекцию.

Роберт громко говорит:

— И не надо мне врать, что тебе не понравилось, — а затем наклоняется к моему уху и шепчет:

— Я помню, какая ты была мокрая. И как легко в тебя вошёл.

От его слов у меня все тело напрягается, сердце учащенно бьется. Я совсем этого не хочу, но не могу сопротивляться такой реакции.

Роберт продолжает:

— Тебе понравился твой первый оргазм? — спрашивает, и его рука ныряет мне под платье, касается моих трусиков. Гладит.

Надо держать себя в руках. Не забывать, кто он такой. Но я не в силах убрать его руку. Не могу его оттолкнуть.

— Это просто физиология, — я отвечаю его же словами.

Его рука все ещё касается меня. Я еле сдерживаюсь, чтобы не обращать внимания на его движения.

Роберт убирает руку, говорит:

— Раз уж сама приехала, то пойдём наверх, в мою спальню, буду приводить тебя в чувство, чтобы больше не делала глупостей.

— Нет, я не могу! — восклицаю.

Он смотрит непонимающе. А я судорожно пытаюсь придумать адекватную причину для отказа:

— Мне скоро на работу, — наконец, произношу.

Вздыхает.

— Алиса, так нельзя. Ты совсем не читаешь то, что подписываешь?

Я беспомощно хлопаю глазами.

Вот дура. Зачем я сама к нему приехала. Говорю глупости. А то, что хотела сказать: что он бесчувственный монстр. Я так и не сказала.

— Ты больше не работаешь в кафе.

— Как это не работаю?

— В договоре прописано. Пока мы с тобой видимся, ты там работать не будешь, я буду класть тебе деньги на счёт после каждой встречи. Вчера отдал тебе наличкой. А ты зачем-то разозлилась. Привезла мне их обратно.

Вот. А теперь я вспомнила, почему я сюда приехала. Эти деньги. И я одна в том отеле. Рядом с пятном. Не могла успокоиться и привести себя в чувство. Хотела даже простынь постирать, чтобы ничего не напоминало мне о моем падении.

Заснула кое-как. А потом встала среди ночи и решила кинуть ему эти деньги в лицо, расторгнуть договор.

— Мне не нужны ваши деньги. И я хочу работать там, где работала.

Роберт снова резко прижимает меня к стене. Я даже зажмуриваюсь от неожиданности.

— Перестань быть такой непослушной девочкой. Делай то, что я тебе велю. Или я тебя накажу.

— Почему я не могу работать в кафе, какая вам разница? — пытаюсь сопротивляться.

Он улыбается:

— Во-первых, перестань со мной выкать, я все-таки твой первый мужчина. Можешь обращаться ко мне на «ты» или называть по имени.

Мои щёки пылают от его близкого дыхания. А Роберт продолжает:

— Во-вторых, ты не будешь работать в кафе, потому что пока я с тобой сплю, я не хочу, чтобы на тебя смотрели другие мужчины.

Несколько секунд смотрим друг другу в глаза. Затем он хватается меня за руку, говорит:

— Пойдём.

Я понимаю: собирается отвести в свою спальню. Ещё один раз с ним сейчас. Нет. Я не могу, я ещё от прошлого не отошла. Упираюсь, выкрикиваю:

— Нет, я не могу, у меня все болит.

Останавливается. Смотрит на меня хмурясь.

— И сильно болит?

— Да, сильно. Даже кровит ещё, — добавляю для убедительности.

Хотя это неправда. Я ничего неприятного не чувствую.

Стоит, минуту размышляет. Отпускает мою руку и еле слышно произносит:

— Даю минуту, если не уедешь домой, пинай на себя, не отпущу.

Я не сразу понимаю смысл его слов. Но когда до меня доходит, бегу в сторону двери.

— Стой, — кричит мне в спину.

Я останавливаюсь.

Роберт берет деньги со стола. Тот злополучный конверт и снова даёт мне.

— Возьми. В следующий раз переведу на карточку. И не вздумай выйти на работу!

Беру конверт, убегаю, ничего не говорю. Не хочу с ним спорить.

Сажусь в машину и выдыхаю.

Ну, и взгляд у него был. Как у настоящего хищного зверя. Не представляю, что он там наверху собирался делать со мной. Явно не такие нежности, как вчера.

Машина трогается, мы выезжаем за ворота его роскошного особняка. Я-то рада этому, а вот часть меня нет. Закрываю лицо руками. Не знаю, как он мог меня так испортить за одну ночь, но мне теперь самой хочется ещё раз с ним встретиться в отеле. И я даже немного жалею, что он отпустил меня только что. Поверил, что у меня все болит.

Роберт

Алиса пытается свести меня с ума. Зачем она приехала? Я только успокоился.

Как же сильно я ее хочу. Неистово. Ещё больше, чем до вчерашнего вечера.

Теперь я знаю, каково это — обладать ею, знаю, какая она без одежды, как она реагирует на мои ласки. Знаю, как она стонет, когда ей приятно, какой у неё вкус и какой запах кожи.

Хотел взять ее прямо в гостиной на столе или у стены. Даже не завязывать ей глаза.

Очень хотел. И отпустил.

Это стоило мне невероятных усилий.

После того как она уехала, пришлось идти в душ и впервые за долгое время работать рукой, чтобы хоть как-то снять напряжение.

Но облегчение не наступило. Наоборот, ещё больше стал собой недоволен. Какого хрена я плачу ей деньги? Чтобы потом сидеть здесь в одиночестве?

Как только у неё все пройдёт, жалеть не буду. Попробую ее во всех позах. На столе, у стены. Стоя, сзади, сбоку... Последний раз она от меня так убегает. Больше не позволю.

Алиса

Я приезжаю домой под утро и ложусь спать. Слава богу, не столкнулась ни с дядей, ни с тетей. Нет сил ничего объяснять.

Мне снится сон. Я не успеваю убежать от Роберта.

И он берет на руки. Приносит в свою спальню.

Подходит сзади и завязывает глаза.

Проводит пальцем по моим губам. Говорит:

— Не могу отпустить. Хочу тебя. Очень сильно.

Сердце начинает стучать как бешеное. Как же мне жарко. Он целует мои губы. Медленно и чувственно. Роберт берет одну мою руку и кладёт ее на... его большой член. Водит мою руку вверх-вниз, показывает, как хочет, чтобы я его трогала.

Я делаю все так, как он показывает. Слышу его стоны.

Роберт одной рукой сильно мнёт мне грудь, другую руку запускает между ног. Раздвигает складочки. Из меня вырывается стон.

Я просыпаюсь.

Вся мокрая. И от жары. И от желания. Иду в душ, пытаюсь выкинуть этот дурацкий сон из головы. Почему мне снится такое? Мне мало было вчерашнего?

Да я, оказывается, прирождённая эскортница.

Первый раз переспала с мужчиной и теперь мне снится такое.

Ничего подобного с бывшем парнем не было. Да, наверное, он не возбуждал меня так. Роберт прав: я его вчера сильно хотела. И близко такого не было с другим.

Но почему так происходит? С Кириллом у нас были настоящие отношения, симпатия. А с Робертом у нас ничего нет. А мое тело как будто с этим не согласно.

После душа смотрю на себя в зеркало, говорю себе строго:

— Надо выкинуть эти глупости из головы, относиться к нему как... Как ко временной работе. И ни в коем случае ничего к нему не чувствовать! Я тебе запрещаю, слышишь меня?

Иду на кухню, там мы сталкиваемся с тетей. Она улыбается, что-то держит в руках. При

виде меня вообще начинает заливисто смеяться. Это больше похоже, честно говоря, на истерику, а не на радость.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Сейчас звонил твой дядя, дело на работе закрыли. Нашли настоящего виновного.

Улыбаюсь, мы обнимаемся. Я рада. Роберт не обманул, правда, выполняет свои условия. Да еще так быстро.

У меня сегодня должна быть вторая смена в кафе. Вспоминаю его приказ не выходить на работу. Ладно, сделаю, как он велит. Я на самом деле не люблю эту свою вынужденную подработку. Раз уж он держит свои обещания, то и я не буду его лишней раз злить. Тем более, я знаю, как использовать появившееся свободное время: буду пробовать дальше ходить по кастингам. Посвящу себя своей мечте. Но его деньги по возможности тратить не буду. Только на еду и на самое необходимое, раз уж я теперь «безработная».

Звоню начальнику и сообщаю о своем решении уволиться, он даже ничего мне не говорит. Обидно, я думала, что ценный сотрудник: никогда не опаздываю и всегда вежлива с посетителями.

Целый день сижу в телефоне: смотрю, на какие пробы можно пойти в ближайшее время, составляю список.

Вечером приходит дядя. И сообщает ещё одну «удивительную» и потрясающую новость.

— Сегодня мне позвонили, один фонд готов оплатить лечение Паши за границей. Они сами откуда-то узнали про тот центр и выбрали нашего Пашу, представляешь? Хотя он уже почти взрослый... Как могло так повезти?

— Не знаю, это какое-то чудо, нас благословили небеса, — смеется, вытирая слезы, тетя Вера.

Так они говорили почти весь вечер.

А как Паша радовался.

— Всегда мечтал побывать в Америке! А если лечение поможет...

У него даже щеки порозовели. Без улыбки на все это смотреть было невозможно.

Я праздновала вместе с ними, хотя и знала истинную причину «благословения небес», мы купили торт, долго сидели за столом, обсуждали предстоящую поездку в США.

— Мне даже на работе отпуск дают и выплатили премию за ущерб репутации, — делится дядя.

Я молча сижу, слушаю и удивляюсь, что они не заметили никакого подвоха. Просто подумали, что все чёрные полосы закончились, начались светлые. Смотрела на них и радовалась, а в душе повторяла: как жаль, что так не бывает просто так. Но вообще, я благодарна Роберту. Он все сделал в лучшем виде: дядя с тетей ничего не заподозрили.

В суматохе и сборах даже не заметили, что я не хожу на работу.

Роберт дал мне «отдохнуть» четыре дня.

Затем прислал сообщение: «Завтра по этому адресу в шесть часов вечера... Ты не забываешь пить таблетки?»

Я ответила: «Хорошо. Нет, не забываю».

Как тут забудешь. Я помню, как он сказал про аборт. Я боюсь забеременеть от него. Завела будильник на телефоне и пью теперь в одно и то же время.

Перед сном приходит еще одно сообщение: «Надень чулки».

Это еще что за просьба? Вспоминаю, что среди комплектов белья, которые мне выбрал стилист, был один с чулками и с такими повязочками на талии... Не знаю, как это

называется.

Ищу нужный комплект и иду в ванную, мерю его перед зеркалом. Смотрю на себя и смущаюсь от одного своего вида. А что будет завтра тогда?

Алиса

Просыпаюсь я на следующий день совершенно в другом настроении. Ничего я для него специально надевать не буду. Я не кукла. Не нравится — пусть выберет другую.

И вообще, не понимаю, как сама тогда собиралась у него дома остаться... Нет, сегодня меня снова сковывает страх, не хочу я с ним видеться. Не хочу всех этих пустых ласк и поцелуев... Без любви.

По договору.

Но делать нечего. В назначенное время сажусь в машину. Я не удосужилась заранее вбить в интернете адрес нашей встречи, и теперь ошарашенно выхожу из машины и удивляюсь, что стою напротив... кинотеатра? Он что, меня в кино пригласил?

Роберт подходит неожиданно сзади. Пугает меня своим металлическим голосом:

— Пойдём?

— Да... Хорошо.

Я ещё думаю, может, я ошиблась, мы в другую сторону свернём. Тут отель есть? Но нет, я следую за ним, а направляется прямо к входу кинотеатра. Не выдерживаю, спрашиваю:

— Куда мы идём?

— Здесь будет закрытый показ, премьера фильма, не слышала?

— Нет.

— Меня пригласили, решил взять тебя с собой.

Интересно. Почему решил взять с собой? В нашем договоре прописаны только встречи в отеле. Хотя там написано, что я должна все его желания выполнять...

На входе Роберт показывает билеты, нас пропускают.

Мы заходим в зал. Да, я сразу понимаю, это явно кино не для всех. Я вижу очень много знакомых лиц... Актеры, которых до этого я видела только по телевизору. Стою, чуть рот не открыла. Вспышки камер. Я теряюсь, встала посередине и пройти не даю, Роберт берет меня за руку и отодвигает в сторону.

Хорошо, что одета я соответствующе. Снова надела купленное мне платье — на этот раз красное, яркое. И хорошо, среди этих известных личностей не сильно выделяюсь.

Нам приносят шампанское. Роберт берет сразу два и протягивает мне одно.

— Почему тебя пригласили? — спрашиваю у него.

— Режиссёр — мой знакомый. А ещё я один из спонсоров этой картины.

Какой-то мужчина подходит к Роберту, они пожимают друг другу руки, беседуют. Я смотрю на билеты, оставленные им у стойки. Читаю название картины и актеров. У меня в ушах закладывает от увиденного.

Главная актриса — Зарева Валерия.

Я ее обожаю.

Я хочу быть на неё похожей.

Я на неё все время и равняюсь в своём «актерском пути».

Она не с первого раза поступила в театральный, два года безрезультатно ходила по пробам. А потом ее заметил один режиссёр, она снялась в эпизодической роли. Фильм выстрелил, и теперь она одна из самых востребованных актрис. Всего на десять лет старше меня.

Мне нравится, как она играет. В каких фильмах снимается. Все они как будто для неё созданы... Она мой кумир.

После закрытого показа наверняка ведь выйдут актеры? Она тоже тут будет. Я смогу взять автограф.

— Ты чего такая странная? — спрашивает Роберт.

Я и не заметила, что его собеседник давно ушёл.

Тыкаю пальцем на ее фамилию в билете:

— Это моя любимая актриса, — улыбаюсь.

А вот он усмехается. Усмехается! Что здесь такого?

Наконец, нас запускают в зал, Роберт проходит и занимает места подальше, хотя билеты такие, что можно сесть на любое место... Но конечно, я следую за ним.

Выключают свет, начинается фильм. Не сильно интригующий сюжет про семейную драму. Но играет Зарева, как всегда, классно. Представляю, как я могла бы сыграть эту роль (я вообще так всегда делаю при просмотре любого фильма).

Где-то на середине фильма чувствую, как Роберт опускает тяжёлую руку мне на колено и начинает подниматься вверх. Скользит по моим колготкам. Доходит до платья и ныряет внутрь.

Затем быстро убирает руку и говорит мне на ухо:

— И почему ты не надела то, что я хотел?

Моментально забываю о сюжете фильма, вспоминаю о своей жизненной драме. Отвечаю:

— Мне не хотелось.

Громко в зале, но, мне кажется, я слышу, как он вздыхает.

До конца фильма молчит. Так разозлился из-за каких-то чулок?

Да что вообще он собирался тут делать? Люди же сидят, смотрят...

После показа все ждут, когда актеры выйдут на сцену, но Роберт говорит мне «мы уходим». И я слушаюсь.

Доходим до лексуса. Роберт садится за руль. Ну, надо же, первый раз без водителя. И снова новая машина. Сажусь рядом на пассажирское сиденье.

Молча доезжаем до незнакомого мне отеля, поднимаемся в лифте. Открывает дверь, мы заходим.

Ну вот теперь мы наедине. Это даже немного напоминает обычные свидания. В кино меня сводил. Теперь «сладенькое».

Поворачивается ко мне и хищно смотрит. Произносит, выделяя каждое слово:

— Так трудно слушаться меня?

Молчу, потому что не знаю, что ответить, колени начинают дрожать.

Да, мне трудно слушаться, потому что я сплю с тобой не по собственной воле.

Такой ответ устроит его?

— Раздевайся, — приказывает и сам снимает свой пиджак, затем рубашку. Вижу его мышцы, пресс. Каменею, не могу пошевелиться.

Пытаюсь снять платье, но не могу расстегнуть молнию сзади. Руки не слушаются. Или молнию заело.

Я долго копошусь, видимо, Роберт не выдерживает и подходит, сам расстёгивает платье сзади.

Когда оно падает, я снимаю бюстгальтер и колготки уже без его помощи. Представляю,

как будто я пришла на прием к врачу, а дышать все равно трудно.

Стою в одних трусах, их снимать не тороплюсь.

— Чего ждёшь? — спрашивает он.

Зажмуриваюсь и стягиваю и их. Обнимаю себя руками. Холодно.

Он подходит сзади и проводит пальцами по моей спине сверху вниз, по телу бегут мурашки. Завязывает глаза и говорит:

— Как в прошлый раз больше не будет, привыкай к новому.

Подводит к кровати. Слышу его голос, но он кажется мне незнакомым:

— Вставай на четвереньки.

Проглатываю ком в горле.

Делаю, как он велит.

Боже, в этот раз я точно буду чувствовать себя униженной, в отличие от предыдущего. Ну, хотя бы руки не связаны.

Чувствую, как что-то тыкается мне по ягодицам. Я догадываюсь, что это его член. Он что собирается прямо так, без всякой... «подготовки»?

Я быстро отскакиваю от него и поворачиваюсь к нему лицом (хотя и не вижу его).
Говорю:

— Я не хочу так.

Мне страшно вдвойне, я не вижу его реакцию. Через минуту слышу:

— Девочка, здесь я выбираю, кто как хочет.

Он обхватывает меня за талию и пытается повернуть назад.

Я выкрикиваю:

— Ты же не такой! В прошлой раз ты был совсем другим!

Он останавливается.

— И каким я был? — спрашивает тяжело дыша.

— Нежным, — тихо отвечаю.

Некоторое время только молчание.

Затем я снова чувствую его руки на талии, он прижимает меня к себе, требовательно целует, затем опускает на кровать. Яростно водит языком в моем рту. Его руки исследуют мое тело. Я вспоминаю наш прошлый раз, по телу бегут приятные мурашки. Теперь мне не холодно. Как же хорошо он целуется.

Слышу, как он дышит, понимаю: ему тоже нравится целовать меня... Почему же он тогда хотел только что так грубо взять меня сзади? Роберт отрывается от моего рта и начинает целовать шею. Так же яростно, сильно всасывая воздух. Мне так хочется стонать от его прикосновений. И я даю себе волю...

Его руки опускаются вниз, пальцы касаются мои половые губы, затем клитор. Ртом Роберт снова находит мои губы. И начинает вытворять одинаковые движения языком и пальцами. Круговые. А затем вверх-вниз, снова круговые. Он сводит меня с ума. Я не сдерживаю громкие стоны. Он просовывает два пальца в мое лоно, и я кричу громкое «дааа», отрываясь от его губ. Он шепчет на ухо:

— Ну вот теперь ты готова, вставай так, как я велел.

Я слушаюсь. Теперь я не боюсь, меня подчиняет желание, теперь мне даже этого хочется. В любом положении.

Когда я становлюсь на четвереньки, Роберт проводит рукой по моей спине и шлёпает по попе. А затем резко входит в меня. Так быстро и легко, я снова бесстыдно мокрая. На этот раз мне совсем не больно. Он вдальбливается в меня до упора быстрыми движениями. Трудно неподвижно стоять в такой позе, руки трясутся. Утыкаюсь головой в подушку и гащу в ней громкие крики. Но я как будто подползаю к вершине и откатываюсь назад... Хорошо, но не на пределе возможного. Роберт наклоняется и поднимает меня. Теперь я на нем почти в вертикальном положении. Он ласкает мою грудь. Затем опускает одну руку и одним пальцем дотрагивается до клитора. И при этом его движения становятся еще жёстче. Через несколько секунд я кончаю с громким криком. От оргазма у меня немеют ноги и сводит судорогой все тело. Ещё через несколько секунд я понимаю, что это был не только мой крик, но и его, потому что мы с ним кончили одновременно. Он больше не двигается. Чувствую, как из меня вытекает его жидкость.

Мы как будто оба застываем в этом положении. Не можем пошевелиться. Спиной я чувствую, как часто он дышит. Он все ещё обнимает руками меня за грудь.

Но зря я думаю, что на этом наша встреча заканчивается. Нет. Через пять минут он кладёт меня на спину, поднимает мне одну ногу и берет меня сбоку.

Затем он поднимает меня как пушинку и несёт на стол.

Кладёт мои ноги себе на плечи. Вставляет в меня твёрдый ствол. Руки свободны. Мне хочется к нему прикоснуться. Но я его не трогаю, инстинктивно понимаю, что ему это не нравится.

Я вся мокрая от желания и от таких нагрузок. Такие резкие и быстрые движения. Стол трясётся, мне кажется, мы сейчас упадём. Даже повязка в какой-то момент сползает с моего лица.

Я жадно смотрю на него, его челюсти сжаты, он зажмуривается от удовольствия. Смотрю, как он, такой мощный и сильный мужчина, входит в меня, чувствую, как ко мне

начинают подступать новые волны оргазма. Когда я начинаю стонать сильнее, он смотрит на меня и видит, что я тоже на него смотрю. В эту минуту он кончает. И мне кажется, что это лучшее зрелище — видеть, как его глаза закатываются, как он морщится от избытка приятных ощущений.

— Бл*дь, — заканчивает он и перестаёт во мне двигаться.

Мы громко дышим и смотрит друг на друга. Он берет меня на руки и относит в постель. Ложится рядом со мной и мгновенно засыпает. Я понимаю — сегодня никуда уходить не собирается.

Я лежу и думаю. Заснуть не могу. Зачем вообще нужны эти повязки? Это же ещё больше удовольствия смотреть друг другу в глаза во время секса.

Не могу уснуть. Смотрю на него тайком.

Как я сегодня много нового узнала.

Например, что сексом можно, оказывается, заниматься всю ночь напролёт.

А ещё... Что оргазм можно испытать несколько раз подряд.

Отворачиваюсь от него на бок и пытаюсь уснуть. Я боюсь, что он меня погубит. Он уже меня убивает своей неудержимой похотью.

Алиса

Я проснулась рано утром, при первых лучах солнца, повернулась к нему на бок. Думала почему-то, что его там не окажется: что ушёл давно. Но Роберт спал рядом.

Уткнувшись в подушку, на животе, голова в противоположную от меня сторону.

Кажется, что не дышит, так крепко спит. Я приподнимаюсь на подушке. Хочется потрогать его кожу. Почему он не разрешает? Это очень странно. Всем нравятся прикосновения. Даже самым злым собакам нравятся, когда их гладят.

Я поняла, что Роберту не нравится, когда к нему прикасаются, потому что вчера каждый раз, когда я к нему случайно прикасалась, он убирал мои руки.

Сейчас, присмотревшись, я замечаю на его спине едва заметные белые полосы. Даже тру глаза: может, кажется. Но нет, у него на спине шрамы. Не сильные и не уродливые. Почти незаметные. Но отчего они могли появиться? Может, в этом кроется причина того, что он не любит прикосновений?

Роберт шевелится, и я мгновенно опускаюсь на подушку, притворяюсь, что сплю.

Он поворачивается в мою сторону. Мне кажется, что он смотрит на меня. Роберт встаёт. Слышу звук в душе, затем, как он одевается.

И открываю глаза лишь тогда, когда слышу, как захлопывается дверь номера.

Роберт

Она сказала, что я был с ней нежным. Ничего нелепее в жизни не слышал. Я не знаю, что такое нежность и знать не хочу. Хотя у меня сохранилось несколько воспоминаний из детства, связанных с этим словом. Как однажды мать осмелилась и обняла меня, а отец на неё потом долго кричал, что его сыну не нужны эти «бабские нежности».

Да, не нужны. И всегда так было. А теперь эта девчонка требует от меня нежности, по-другому она не хочет. Я сам не знаю, почему иду на поводу ее желаний. Откуда это влияние на меня?

Просто не смог по-другому, снова захотел почувствовать вкус ее поцелуя. Закончилось все так, как я привык, но это я имею в виду только позы, а вот оргазм снова другой. Как же хорошо без презерватива прямо в неё... Возможно, все дело в этом.

Под конец нашей бурной ночи у нее спала повязка с глаз. Я понял, что мне это даже нравится: когда она смотрит на меня.

Алиса сама не знает, но она смотрит на меня с повинованием, как будто на все готова ради меня, лишь бы я продолжал делать ей хорошо.

Мне начинает казаться, что Алиса создана только для меня, и я могу делать с ней все, что захочу.

Через 3 месяца

Роберт

Мы уже встречаемся с ней несколько месяцев. Я думал, что за такой срок остыну и приду в себя. Но я по-прежнему хочу ее. Эта тяга становится все более сильной. Сажу на работе и думаю: поскорее бы день закончился, и я смогу насладиться ей в номере...

Она высасывает из меня всю энергию. Так что я не могу после наших встреч ехать домой. Сплю с ней. Уже привык, что ее лицо — первое, что я вижу утром.

Думаю, я не буду ее отпускать.

Что спереди, что сзади, она со всех сторон восхитительна, обуздать бы ещё её своевольность, и меня можно будет поздравить: я нашёл себе девушку, подходящую на роль постоянной любовницы. Хотя меня это не радует. Не будет ли каких-то подводных камней от моего желания иметь продолжительное время только одну? Не изменяю ли я сам себе?

Алиса

Я помню, как он говорил про два-три месяца. А мы встречаемся уже четвертый. Все сроки истекли. Но я боюсь его спрашивать о том, когда наши встречи прекратятся.

Дядя с тетей и Пашка улетели в Америку. Грустно было их провожать. Но так надо. Лечение уже началось и даже есть первые положительные результаты.

Случилось ещё одно чудо: мне, наконец-то, предложили роль в фильме. Скоро начнутся съемки, я пока не говорила Роберту об этом, боюсь его реакции. Хотя какая разница? Это моя мечта, и она, наконец исполняется!

Сегодня вечером я расскажу ему о фильме... А ещё спрошу, когда закончится наш договор.

Алиса

Роберт заезжает за мной сам. Останавливается напротив моего дома. Теперь, когда я живу одна, мне все равно. Хотя до родственников уже дошли слухи, что за мной приезжает «богатый жених». Настучал кто-то из соседей. Звонила тетя Вера на днях, спрашивала:

— Кто он такой? Познакомишь нас?

— Про кого ты говоришь?

— Ну, тот жених, который заезжает за тобой на машине.

Пришлось на ходу врать, что это никакой не жених, просто знакомый. Не поверила мне точно.

Сажусь в машину. Роберт вчера просил надеть красивое платье. Как будто я обычно к нему в джинсах прихожу... Но я послушалась, надела чёрное платье в пол. Я в нем особенно красива. Удачно выделяется тонкая талия и грудь кажется больше. И чулки ещё надела... Он после того раза не просил меня ни о чем. Вот и решила поблагодарить.

— У меня сегодня день рождения, мы едем на вечеринку, которую организовали мои... знакомые, — ошарашивает меня.

— Поздравляю, — говорю.

И удивляюсь. Встретиться со мной в день рождения. А ещё ехать к «знакомым», а не друзьям. Грустно как-то.

— Сколько тебе лет исполняется?

— Тридцать шесть.

— Что тебе подарить? — спрашиваю, не успев подумать.

А вот Роберт думает, размышляет.

— Ты умеешь делать минет? — спрашивает.

Да уж, что я ожидала ещё услышать?

Хотя я думала об этом. Он меня ласкает языком часто во всех местах, доступных и недоступных, и это всегда незабываемые ощущения. Роберт изучил мое тело вдоль и поперёк, знает каждый сантиметр. А я никогда не прикасалась к его достоинству, несправедливо.

— Я не умею. Никогда не пробовала, — честно говорю Роберту.

Я перестала его стесняться и смущаться. Могу спокойно разговаривать на такие темы. Наверное, это оттого, что мы занимаемся сексом уже больше трёх месяцев и видим друг друга голыми регулярно.

Да, я тоже теперь вижу его голым. После второго раза он перестал завязывать мне глаза. И я этому очень рада. Ещё бы разрешил к нему прикасаться и будет обычным человеком...

— Посмотри обучающие видео.

— А ты тоже по ним учился? — решаю я съязвить.

— Нет, я по твоей реакции понял, как ты любишь, — Роберт высовывает язык и делает им круговые движения. Дразнит меня. А у меня сводит низ живота от желания. Я вспоминаю, как недавно он посадил меня на кровать, раздвинул мне ноги и стал так неистово целовать, что я кончила, кажется, через минуту.

— Я без них справлюсь, — отвечаю.

— Это ты сейчас только что согласилась? — Роберт улыбается.

А затем останавливает машину на обочине. Мы уже успели выехать за город. Он что собирается прямо здесь? Блин. Что наделала? Надо было отказаться или сказать, что не хочу.

Хотя на самом деле: я вся в приятном предвкушении. Мне это кажется запретным удовольствием: Роберт не разрешает потрогать его, даже обнять за шею.... А теперь член трогать можно.

— Пойдём на заднее сиденье, — приказывает.

Мы садимся сзади. В его большой богатой машине сзади просторно. Он садится рядом и без всяких прелюдий просто расстёгивает свою ширинку. Достает член, который уже начал подниматься...

День рождения у человека. Выбрал подарок.

Открытка его не устроит?

Опускаюсь на колени, располагаюсь между его ног.

Прикасаюсь рукой к уже разбухшей плоти. Обхватываю пальцами. Но они не смыкаются, слишком большого размера. Раньше не удавалась так близко рассмотреть. Теперь вижу вблизи. Может быть, я ненормальная, но я сама бы хотела попробовать взять его в рот и без всяких просьб на день рождения.

Высовываю язык и дотрагиваюсь кончиком до головки члена. Она горячая и гладкая. Смотрю на Роберта, он начинает часто дышать. Смотрит мне в глаза.

Я беру в рот глубже, и рукой тоже помогаю у основания.

Чувствую, что мои движения неумелые. У меня не получается взять его в рот на большую глубину, как это вообще делают?

Но Роберт начинает издавать такие звуки, что я успокаиваюсь: ему хорошо, значит, все правильно.

Странно, но мне самой нравится ощущать его член во рту, даже определяю вкус: солоноватый приятный. Меня никто не трогает, но я чувствую, как сильно возбудилась: делаю ему минет, а выделяется смазка у меня.

Роберт подаётся немного вперёд, я понимаю, что скоро будет конец и начинаю сосать ещё быстрее, и в голову приходит мысль: это первый раз так, он в моей власти, а не я в его. Его оргазм сейчас зависит только от меня.

Роберт тяжело дышит и стонет. Я продвигаю его ещё глубже, и параллельно языком продолжаю делать круговые движения вокруг головки.

Роберт рычит, как зверь, и я чувствую, как его сперма бьёт мне по гландам. Я глотаю. Не чувствую никакого вкуса, раньше где-то читала, что сперма сладкая... Обман?

Смотрю в его глаза и вижу в них неподдельное восхищение.

— Ты точно не делала этого раньше? — спрашивает с придыханием.

Молчаливо киваю.

Когда мы садимся обратно, и машина трогается, Роберт сообщает мне:

— Спасибо за подарок, детка. Теперь будешь делать так каждый день.

Это он меня так хвалит?

Новое слово появилось «детка».

Мне становится грустно.

Снова вспоминаю о наших отношениях. Он приказывает — я подчиняюсь. Он хозяин, а я пленница. У меня нет права отказаться.

Мы приезжаем в загородный дом, который находится прямо посреди леса в гордом одиночестве.

Такие дома обычно показывают в зарубежных фильмах: с плоской крышей, стеклянными прозрачными стенами и модной мансардой.

Подходя к дому, я замечаю, как много народу внутри.

И больше всего девушек в коротких платьях. Неужели...эскортницы?

Тогда понятно, почему Роберт взял меня с собой.

Мы заходим, и все затихают, немолодой мужчина с большим пузом громко восклицает:

— Роберт дорогой, с днём рождения!

Все начинают подходить к нам и поздравлять Роберта, кто-то подносит шампанское, меня отпихивают подальше.

— Желаю оставаться всегда таким же... Ты единственный мой партнер, в котором я уверен, — говорит другой мужчина, очень высокий, худой и в очках.

Я отхожу в сторону и сажусь на диван. Значит, вот какие миллиардеры на самом деле? Роберт один среди них, на кого приятно смотреть. Другие вызывают отвращение. В голову приходит мысль, что если бы кто-то из них захотел меня сделать своей, то я бы лучше бы утопилась.

Странные мысли, Роберт же не нравится мне по-настоящему? Трясу головой, чтобы отогнать наваждение. Ко мне подсаживается девушка: миниатюрная блондинка с большой грудью. В блестящей мини-юбке и топе, едва прикрывающем грудь.

— Я тебя раньше не видела, ты новенькая?

— Нет, не совсем... Я пришла с Робертом.

— Ну, а так, где работаешь, у кого?

— У него и работаю. Ни на кого больше.

Девушка так смотрит на меня, как будто я какую-то глупость сморозила. Затем говорит:

— Не знаю, я его раньше видела, никогда он ни с какой девушкой не уходил и не приезжал. Я вообще думала, он другой ориентации.

И громко наигранно хихикает.

Улыбаюсь.

Признаться честно, слышать такое приятно. Очень неприятно было бы узнать, что со всеми девушками, находящимися в этом доме, Роберт успел переспать.

Я даже начинаю думать, что, может, я для него особенная?

Возможно ли что он ко мне относится теплее, чем я думаю?

У меня начинают пылать щеки от этих мыслей.

К нам подсаживается другая девушка, обращается к блондинке:

— Захар ждёт тебя наверху, Вика, хватит болтать.

— Нет, Адель обещала, что я с ним больше не буду.

— Брось, он хочет только тебя, лучше так, чем тут внизу оставаться.

Девушка нехотя поднимается и уходит.

Чувствую себя ужасно среди этих разговоров. Они тоже спят с миллиардерами за деньги. Не могу считать себя лучше них.

Но в то же время я считаю, что я не такая испорченная. Я же сплю только с одним. Хотя

он тоже мне платит. Против моей воли завёл мне все-таки счёт и присылает большие суммы, мне туда даже заглядывать страшно. Когда-нибудь просто отдам эти деньги на благотворительность, когда смогу сама обеспечивать себя.

Роберт все ещё разговаривает со своими партнёрами, иногда мельком посматривает в мою сторону. Все девушки развлекают мужчин: натужно громко хихикают, обнимают, выпячивают грудь... Одна я сижу тут не к месту и потираю вспотевшие ладони.

Чувствую, как в горле пересохло, мне нужно срочно выпить воды, и я решаю пройтись по комнатам в поисках кухни.

Найдя кухню, я понимаю, что это было плохое решение.

Кому-то делают минет, рядом тут же парень с девушкой на столе собираются заняться сексом.

Я тут же отворачиваюсь, зажмуриваю глаза, чтобы случайно еще что-то не подсмотреть, иду обратно. Натыкаюсь в чью-то широкую грудь.

Поднимаю голову, чтобы посмотреть, с кем столкнулась. Высокий мужчина не похож на других. На руках наколки, гора мышц, очень смуглый с коротко стриженными волосами.

Он, не стесняясь, рассматривает меня. Затем начинает улыбаться, а мне страшно становится.

— А ты куда так спешишь, лапуль? Может, наверх поднимемся?

Я пячусь от него назад.

— Нет, я тут не работаю, пропустите, — говорю, а голос дрожит.

Он хватает меня за руку и тащит в сторону лестницы. Я громко кричу, но никто не слышит: слишком шумно в гостиной. И музыка играет. Кто-то, наверное, специально включил, чтобы не было слышно стонов из всех комнат...

— Отпусти ее, она пришла со мной, — раздаётся сзади голос Роберта.

Мужчина отпускает мою руку, и я сразу отступаю от него в сторону, прячусь за спиной Роберта.

— Да ладно, успокойся, уступаю, раз у тебя праздник, выберу другую, — говорит дружелюбно и уходит.

Роберт поворачивается ко мне и смотрит, сощутив глаза:

— Зачем ты сюда пошла? Головой совсем не думаешь?

Берет за руку и тащит, перед этим меня так же тащил тот силач. Но на этот раз я не сопротивляюсь, а покорно следую. Роберта я больше не боюсь.

Мы уезжаем, ни с кем не попрощавшись. Интересно, кто-нибудь заметит пропажу именинника? Грустно, если нет.

Роберт долгое время молча ведёт машину. Ощущаю напряжение. Он злится на меня? В полной тишине раздаётся:

— Зря мы туда поехали, — и я пугаюсь его голоса.

Его реплика пробивает меня на откровенность:

— Не понимаю вас, миллиардеров, зачем вам нужны девушки за деньги? С обычными иметь дело не пробовали?

Произношу и сразу жалею о своём вопросе.

У него сегодня день рождения. Могла бы отложить своё любопытство.

Роберт усмехается:

— Не могу говорить за всех, мне обычные не подходят.

— А ты пробовал?

— Да.

Я отворачиваюсь к окну. Чувствую на себе его взгляд.

Знаю, не надо его злить в день рождения. Но не могу сдержаться и спрашиваю:

— Когда закончится наш договор?

Роберт сразу сдвигает брови в одну линию, хмурится. Видно, что мой вопрос ему не нравится.

— Нескоро.

Хочу возмутиться, что мы так не договаривались. Но лишь беспомощно закрываю глаза. Я так и знала, что этим все закончится.

— Сегодня ты ночуешь у меня дома, — удивляет меня второй раз за день.

Неужели?

Решил впустить меня в свой дом?

По дороге звонит кому-то и сообщает:

— Я приеду через сорок минут, накройте ужин на две персоны.

В животе урчит от этих слов, я весь день почти ничего не ела.

Когда мы подъезжаем к его дому, мне становится не по себе. Одно дело встречаться на нейтральной территории, а теперь я буду вхожа в его дом? Как будто ещё один замок на меня вешает, от которого я не смогу избавиться.

Заходим, по дому летают приятные запахи. Я спрашиваю, где здесь туалет.

Из кухни в этот момент выходит женщина средних лет, в форме. Наверное, горничная или повар. Роберт кивает ей:

— Проводите Алису до ванной комнаты.

Мы идём через коридор, куда-то поворачиваем, горничная показывает на нужную дверь, я захожу.

«Ванная комната» у него в два раза больше моей обычной спальни. Здесь и джакузи, и две раковины. Зеркала и дорогая керамика в темно-синем цвете.

Я с ужасом обнаруживаю, что у меня пошли месячные раньше времени, и я ничего с собой не взяла. Что теперь делать?

Выглядываю из туалета в поисках горничной. Может, она мне поможет? Но ее нигде

нет. Достаяю телефон и пишу Роберту сообщение.

Читает, ничего мне не отвечает. Через десять минут в дверь туалета стучат. Выглядываю. Роберт протягивает мне целый пакет разных принадлежностей.

— Зачем так много? — удивлённо спрашиваю.

— Ты не сказала, какие именно нужны. Водитель съездил в ближайший магазин.

— Спасибо, — говорю и собираюсь закрыть дверь, но он меня останавливает рукой:

— Ты испортила все мои планы на день рождения, — говорит, но я понимаю по его тону, что он несерьёзно. Закрываю дверь и улыбаюсь.

Выхожу из туалета, с трудом нахожу обратный путь на кухню. Зачем строить дом такими лабиринтами? Живет здесь как Минотавр.

На кухне Роберт сидит уже с пустой тарелкой, а я, не стесняясь его, сажусь рядом и приступаю к вкусной трапезе.

Ничего себе, вот куда надо было сразу ехать. Тут чего только нет: и крабы, и салаты, и разные виды рыбы. Блюда на любой вкус.

— Твой повар очень вкусно готовит, — говорю спустя некоторое время.

— Может быть, ты прервёшься и хоть тост мне сегодня скажешь? Раз другой подарок распаковать не получится...

Поднимаю бокал шампанского и думаю, что пожелать человеку, у которого все есть? Не знаю, что мне сегодня в голову ударило, но я говорю ему, смотря прямо в глаза:

— Желаю тебе найти девушку, которая будет с тобой здесь сидеть не из-за денег, а потому что ей так хочется.

По выражению лица Роберта вижу, что ему мой тост не нравится. Но все равно выпивает до дна, только на меня не смотрит. Я быстро отхожу от своего «провала» и радостно сообщаю:

— Меня, кстати, взяли на роль в фильме.

— И ты тоже думаешь, что здесь деньги не замешаны? — равнодушно спрашивает.

— Что ты имеешь в виду?

Роберт не отвечает. Я, итак, кажется, все понимаю.

— Ты заплатил им, чтобы меня взяли?

— Умная девочка.

Встаю из-за стола.

— Зачем ты это сделал, я тебя не просила об этом! Не надо вмешиваться в мою жизнь, это тебя не касается.

— Успокойся и сядь на место! — кричит на меня.

Я не сажусь, а, наоборот, собираюсь уйти. Он встаёт, хватая меня за руку и усаживает силой обратно.

— У меня сегодня день рождения! Имей совесть, хоть сегодня можешь себя хорошо вести? — говорит уже более тихо.

— Зачем ты это сделал?

— Что тебя не устраивает? — спрашивает холодно.

— Я не хочу, чтобы мне давали роль из-за денег.

— Тогда тебе никогда не стать актрисой. У тебя должны быть либо деньги, либо связи, третьего варианта нет.

— Это неправда. Вот, например...

— Хочешь рассказать мне про свою любимую актрису? — смеётся.

Встаёт, наливает нам в бокалы вино и говорит:

— Давай лучше я тебе про неё расскажу. Валерия — содержанка одного политика. Он снял для неё первый фильм и снимает до сих пор.

Я открываю рот, но он не даёт мне ничего сказать.

— Никому не нужна была бы твоя Зарева, если она не спала бы с нужным человеком.

— Я в это не верю.

— Как хочешь.

Из меня вырывается клубок слов, пусть у него день рождения, но он меня бесит!

— Я не она! И я не собираюсь идти в актрисы таким путём, пусть лучше никогда мои мечты не сбудутся!

— Но ты ведь, итак, уже спишь со мной, почему бы не воспользоваться шансом?

— Потому что я с тобой вечно спать не собираюсь.

Пару минут мы просто сверлим глазами друг друга.

Затем Роберт молча отодвигает стул и выходит из-за стола. Слышу, как хлопает входная дверь. Наверное, вышел на улицу. А я теперь сижу здесь одна. Зря я это сказала.

Но что тут такого? Он и сам мне то же самое говорил не раз. «Это всего лишь физиология, на пару месяцев».

Не понимаю я этого человека, не понимаю.

Выхожу на улицу. Мороз по коже. Похолодало. Роберт стоит рядом с дверью и смотрит куда-то вдаль, хотя темень, ничего не видно. Тихо спрашиваю:

— Полагаю, мне лучше поехать домой?

— Нет, ты останешься здесь. У тебя есть ещё рот, и сегодня ты продемонстрировала, что хорошо им работаешь.

Не обижаюсь на его грубость. Я первая сказала лишнего, теперь он хочет задеть меня. Отвечаю:

— Как скажешь.

Мы возвращаемся в дом, поднимаемся наверх. Он идёт первый, а я дышу в его широкую спину.

Заходим в спальню.

Очень большая комната, широкая кровать. Цвета здесь более тёплые по сравнению с остальными комнатами: светло-бирюзовые.

Роберт раздевается и идёт по направлению к ванной.

Я спрашиваю:

— Мне ложиться спать?

Кивает.

— Подожди, а в чем мне спать?

Он вздыхает, нехотя возвращается, открывает большой раздвижной шкаф, достаёт оттуда и кидает мне футболку.

Быстро уходит. Ничего себе, у него и футболки есть. А то мне начало казаться, что он все время ходит в рубашках и дорогих костюмах.

Нюхаю. На ней даже его запах. Не могу объяснить, на что именно похоже, но я узнаю его безошибочно. Этот запах одновременно и горький, и сладкий.

Снимаю платье, надеваю футболку, она мне как сорочка, ложусь с левой стороны кровати.

Глаза мгновенно слипаются. У меня так всегда: в эти дни повышенная сонливость.

Пока он не пришёл, лежу, думаю о нашем разговоре. Что делать? Отказываться от роли? Но я так этого хотела.

Неужели моя любимая актриса стала актрисой не только из-за своего таланта? Ладно, нет сил бороться, подумав об этом завтра.

И проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь рано утром. Рука Роберта лежит у меня на животе. А ягодицами я чувствую его эрекцию. Хотя по дыханию думаю: он все ещё спит.

Осторожно переворачиваюсь на другой бок.

Сталкиваюсь с ним взглядом.

— Ну что, приступай? — сонно говорит мне.

В этот раз у меня получается лучше, мои движения увереннее. Но в этот раз мне все происходящее нравится намного меньше. Он наматывает на свою руку мои волосы и совершает тазом резкие движения, так что у меня несколько раз чуть искры из глаз не летят.

А ещё мне не нравится это действие, потому что только он получает удовольствие, я остаюсь за бортом.

После завтрака Роберт сообщает:

— Водитель отвезёт тебя домой.

Это его вторая реплика за день. Из меня вырывается:

— Извини за то, что наговорила вчера.

Смотрит внимательно.

— Ты будешь сниматься в кино?

— Я ещё не решила.

— Давай договоримся: ты снимешься, потому что я не привык терять деньги. А эти деньги уже не вернут. В следующий раз я не буду никому платить.

Ничего себе. Идёт на уступки. Примирительно киваю:

— Хорошо, договорились.

Иду к водителю, Роберт бросает мне в спину:

— И напиши мне, когда у тебя закончатся эти чертовы дни!

Через год

Подхожу к кинотеатру и вспоминаю, как больше года назад Роберт привёз меня сюда на премьеру фильма.

Сегодня я тоже пришла на премьеру, только сейчас фильм с моим участием.

Ко мне подбегают репортёры, начинают сыпать вопросами.

Понимаю, почему в этот раз Роберт не пошёл со мной. Ему не хочется внимания прессы. Раньше я не была публичной личностью, ему можно было появляться со мной в общественных местах. Теперь нет — сразу напишут в газетах.

Премьера проходит хорошо, аплодисменты, интервью, хвалебные отзывы. Живу в сбывшейся мечте, вот только меня съедает сомнение.

Внутренний голос твердит: это не твоя заслуга. Ты это не заслужила. На твоём месте могла быть любая другая, никто бы разницы не заметил.

Сейчас я поеду к Роберту домой, к тому, кто организовал это представление для меня. Буду отрабатывать.

Выхожу из кинотеатра и сажусь в свою машину. Ложусь на руль. Даже этой покупке (дорогой машине моего любимого красного цвета) радоваться не могу — да, куплена за мой гонорар. Но все равно как будто это его деньги.

Весь предыдущий год я радовалась съёмкам, общению с актёрами, была как будто на кураже. Что со мной случилось сегодня? Почему именно на премьере фильма я почувствовала себя самозванкой?

Завожу машину и еду. Вспоминаю наш разговор с Робертом на прошлой неделе. Мы смотрели у него дома фильм, там были постельные сцены. Он повернулся ко мне и сказал:

— Я никогда тебе не позволю сниматься в таких сценах.

— Не волнуйся, в фильме, который скоро выйдет, у меня даже поцелуя нет, — ответила я шутя.

А он серьёзно сказал:

— Знаю, это же я для тебя роль выбирал.

Я устала так жить. Нет, объективно мне не на что жаловаться. Он хорошо ко мне относится, и мне очень хорошо с ним в постели по-прежнему. Я даже привыкла к его особенностям. К тому, что нельзя его трогать, к тому, что он выбирает позы чаще всего, где я не смогу до него дотянуться.

Но даже когда я сверху, я кладу руки либо к себе на грудь, потому что ему нравится смотреть, как я себя ласкаю, либо откидываю их назад. Как будто мои руки связаны.

Я поняла, что это «правило» в последнее время не даёт мне полностью расслабиться. Как хотелось бы не думать головой, просто отдаваться ему без мыслей...

Ещё мне не нравится, что он меня все время контролирует: с кем я каждый день общаюсь, куда езжу.

Я не понимаю, что между нами происходит. Для случайной связи наша длится слишком долго. Но я не могу назвать себя его девушкой. Ведёт он всегда себя со мной, как хозяин.

Да, я остро осознаю сейчас, что чувствую себя пленницей. И если раньше меня все устраивало, то теперь очень сильно захотелось убежать от него. Захотелось развязать себе руки и стать свободной.

Потому что я сама стала зависимой от него. Меня это пугает. Наверное, так всегда? Если долго спишь с одним и тем же мужчиной, он невольно становится как будто частью тебя? Не знаю, мне по-прежнему не с кем это обсудить.

У меня появились новые подруги. В основном все актрисы. Но у них очень богатый сексуальный опыт. Они либо говорят, как Роберт: что секс — это удовольствие и такая разгрузка всем необходима, либо вздыхает, как кисейные барышни, и жалуются, что в наше время нет настоящих мужчин.

Мужчины. Я на других даже и не смотрю. Хотя меня сейчас окружают самые настоящие красавцы, которым по работе положено иметь красивый пресс... А для меня они не существуют. Роберт — как будто единственный для меня.

Это пугает. Такая верность даже в мыслях. Не уверена, что он думает обо мне так же. Не уверена даже в том, что у него больше никого нет. Мне только кажется, что нет. Я на это надеюсь. И боюсь. Боюсь, что таких, как я — много. Боюсь, что он спит с секретаршей. Хотя какое право я имею этого опасаться?

Подъезжаю к его дому. Как только захожу, не успеваю ничего сказать, Роберт затыкает мне рот горячим поцелуем. И я сразу обо всем забываю. О том, что собиралась сбежать. О том, что полчаса назад не хотела быть пленницей.

Если это плен, то он очень сладкий. И я не могу добровольно от него отказаться.

Мы не успеваем дойти до комнаты, он поднимает мне платье, рвёт трусики и берет меня прямо на кухонном столе. Шепчет на ухо:

— Хочу тебя, п*здц как. Весь день не мог дождаться.

Он вторгается в меня, и мое личное пространство перестаёт существовать. Наверное, секс — это всегда добровольный плен для женщин. Мы разрешаем мужчинам овладевать нами. Раздвигаем перед ними ноги, показываем свою слабость...

Роберт берет меня до упора. Очень быстро дышит.

Нет, у него точно никого больше нет.

Сил не хватило бы.

Роберт только мой.

А я его.

Утром, когда я спускаюсь к завтраку, Роберт мне вместо «доброе утро» сообщает:

— Я сегодня лечу в Сингапур, ты летишь со мной.

Не знаю, что и ответить на такое.

— У меня нет загранпаспорта.

— Уже есть.

— Почему так неожиданно?

— По работе.

— А раньше никуда не летал.

Смотрит на меня с другой стороны стола исподлобья, руки скрещены. Во мне поднимается лавина разных чувств. Только я не понимаю, какие именно это чувства. Страх, желание, восторг? Наверное, все вместе.

— Это год таким выдался, обычно я не провожу так много времени в России, — наконец, отвечает, хотя я уже успела забыть, какой вопрос задала.

Спорить не буду, заграница, так заграница. Съёмки все равно закончились. Новый фильм мне пока не предложили. Только ждать и смотреть по отзывам, как зрители воспримут меня.

Еду домой, собираю чемодан. Странно это все. Я почти каждую ночь провожу с Робертом, а переехать к нему он не предложил. Как будто строит для себя иллюзию, что до сих пор один живет... А на самом деле у него в доме куча моих вещей. Даже платья в шкафу висят.

Убираюсь в квартире, выбрасываю еду из холодильника, которая может меня не дожидаться. Кстати, я ведь даже не спросила, насколько мы едем!

Тетя с дядей вернутся через месяц. Надеюсь, я успею приехать к этому времени. Лечение Паши почти закончилось. Ему очень помогла экспериментальная клиника, разрушительные процессы в организме остановились, можно сказать, что болезнь отступила, но вот последствия все равно остались. Пашка стал сильнее, это видно по фоткам, которые мне присылает тетя, но, к сожалению, самостоятельно ходить все равно пока не может.

Теперь ему нужно лечение другого рода — укрепление и восстановление мышц. Подумываю отдать дяде с тетей те деньги, которые Роберт старательно перечисляет мне каждый месяц. Но вот только как им объяснить откуда они взялись?

Через три часа уже сижу в самолете. Не просто в самолёте, а в частном самолёте.

Роберт не обращает на меня внимание. Тыкает в телефон и одновременно с этим печатает что-то на планшете. Видимо, поездка, действительно, рабочая.

И зачем я ему тогда?

Мне бы радоваться, что он взял меня с собой, тем более я никогда нигде не была, а я почему-то беспокоюсь.

К Роберту подходит стюардесса, форма у неё коротковата для таких длинных ног, когда она нагинается, чтобы налить ему сок, мне кажется, сзади у неё видны трусы. Ему она улыбается, а в меня бросает грозные взгляды.

— Что-нибудь ещё, Роберт Дмитриевич?

— Нет.

Я хочу попросить налить мне сока, но она разворачивается, и я с грустью думаю: ну

ладно, в следующий раз.

И слышу громкий голос:

— Лариса, ты забыла спросить, что хочет моя спутница. Будешь игнорировать моих гостей — уволью.

Стюардесса с широкой улыбкой разворачивается, извиняется и обращается ко мне:

— Что желаете?

Когда она уходит, мы остаёмся одни в закрытой комнате, обращаю внимание, что здесь ещё есть диван, но мы сидим рядом на креслах. Роберт откладывает планшет, в котором работал, и поворачивается ко мне.

— Про твою игру пишут очень хорошие отзывы, почти все хвалят, видела?

— Что?

— Не читала статьи?

— Нет ещё.

Качает головой и протягивает мне планшет.

Отзывы, правда, хорошие. Все хвалят Алису Одинцову. А я читаю, как будто это не про меня написано.

Молодая перспективная актриса

Ее ждёт большое будущее

Нет, они просто не знают, как именно мне досталась роль...

— Почему такое лицо, ты не рада?

— Сколько ты заплатил режиссёру, чтобы меня взяли? Может, и эти отзывы тоже ты купил?

Я первый раз за год возвращаюсь к тому разговору, думала, что меня давно отпустило...

Роберт серьезно смотрит на меня. Я не могу прочесть его эмоции.

— Снова ты за старое.

А потом берет мое лицо в свои ладони. И произносит, выделяя каждое слово:

— Это только твоя заслуга, Алиса.

Отпускает меня и отворачивается, но продолжает говорить:

— Я наврал тебе тогда, потому что ты меня разозлила. Когда узнал, что ты ходишь по кастингам, хотел договориться, но режиссер сказал мне, что уже откопал сокровище и назвал твою фамилию. Ты это заслужила, перестань так низко себя оценивать.

У меня дыхание перехватывает от этих слов. Он редко мне говорит что-то хорошее.

Роберт встаёт и закрывает дверь. У меня слюна во рту скапливается: он что собирается заниматься сексом в воздухе? А вдруг что-то случится? Турбулентность, например, или нам надо будет пристегнуться...

Роберт закрывает иллюминаторы (как будто кто-то на облаках может подглядывать за нами).

— Теперь ты известная девочка, и тебя будут многие желать. Но иметь тебя буду только я.

Хочу ответить ему, что я совсем не против принадлежать только ему, но кажется, Роберт, итак, все понимает по моему взгляду.

Мы занимаемся быстрым страстным сексом, не растягиваем удовольствие. Я стараюсь не шуметь, но это трудно. Да к тому же, самолёт так гудит, кто услышит. Рядом с нами диван, но мы до него так и не дошли. Роберт сидит на кресле, а я сверху на нем руковожу всем процессом. Двигаюсь, как он любит: быстро, покачивая бёдрами в разные стороны. А

мои руки сзади гладят его машинку.

Я открыла совсем недавно: если трогать его там во время секса, это мгновенно приводит к оргазму. Но сейчас он держится из последних сил, наверное, ждёт меня.

У меня наступает взрыв именно в тот момент, когда самолёт начинает потряхивать и зажигается предупреждение пристегнуться. Я падаю вперед на грудь Роберта и, когда сознание ко мне возвращается, понимаю, что руками глажу его грудь, и вообще я сейчас его обнимаю по-настоящему...

Турбулентность заканчивается, я отстраняюсь, во мне все ещё его твёрдый член. Он приподнимается, обнимает меня крепко и так кончает с громким рыком.

А я испытываю более приятные эмоции, чем оргазм. Чувствую настоящее единение. Последняя черта стёрта. Мне так хорошо. Я прижимаюсь к нему ещё крепче. Он первый отстраняется, и я прихожу в себя.

Через полчаса, когда мы уже оделись и привели себя в порядок, стюардесса приносит нам ужин. На этот раз она не улыбается даже Роберту. Мне немного неловко: она, наверное, нас слышала. Хотя, возможно, и не слышала, а поняла все по моему виду — когда я умывалась в туалете, то заметила красные пятна на шее от поцелуев.

Я второй раз иду в туалет проверить, как выгляжу.

Когда я выхожу, эта девушка-стюардесса хватает меня за руку и тащит в противоположную от нашей «кабины» сторону.

— Что ты делаешь? — спрашиваю.

— И тебе не стыдно так жить? — говорит мне.

— Ты о чем?

— Ты же шлюха, он тебя завтра выбросит. Знаешь, сколько у него таких было? А я ему по-настоящему нравлюсь.

В ушах больно звенит это ее «шлюха».

— Я не понимаю, зачем ты мне это говоришь.

— Предупреждаю. Чтобы потом не плакала.

Я усмехаюсь.

— Плакать будешь на самом деле ты. Видимо, ты долго перед ним хвостом крутила, а он тебя так и не заметил?

По ее расширенным зрачкам я понимаю, что права, и продолжаю:

— Лучше завидуй молча, иначе я скажу Роберту про этот разговор, и тебя мигом уволят.

Она открывает рот, но ничего не может сказать. Разворачиваюсь и ухожу. Наверное, приняла меня за серую мышь, которая не может ответить. Хотя, по сути, я такой всегда и была раньше. Всегда молчала и терпела обиды.

Я сажусь в кресло, и сама себе улыбаюсь. Видимо, взрослою.

Роберт снова работает в компьютере, я пытаюсь смотреть фильмы на планшете.

Но очень быстро засыпаю и сквозь сон вижу, как Роберт накрывает меня пледом.

Когда мы выходим из самолета, меня переполняет восторг.

Я первый раз в другой стране. Это ни с чем не сравнимое чувство. Смотрю во все стороны как сумасшедшая, пока мы едем из аэропорта в отель. Все такое другое... Другое. Не могу подобрать нужное слово, наверное, такой же восторг у меня был бы, если бы я вдруг очутилась на другой планете.

Чувствую какую-то первобытную радость, как в детстве.

А когда мы подъезжаем к отелю, я в прямом смысле открываю рот.

Высокое здание, на вершине которого как будто большой корабль. Я читала про это здание в интернете, не знала, что оно здесь находится. Кажется, там наверху самый большой открытый бассейн в мире, если я ничего не путаю.

Мне надо было куда-то выплеснуть своё восхищение, говорю Роберту:

— Как здесь красиво, не верю, что сама все это вижу.

Он молча улыбается в ответ. Видимо, не разделяет моего восторга. Для него все привычно. Он, наверное, сто раз здесь уже останавливался.

Роберт общается с менеджером на ресепшене. Он так хорошо разговаривает на английском, а я вот половину слов не понимаю в их диалоге.

Восторг немного убавляется, когда Роберт открывает дорогой номер на пятидесятом этаже и говорит:

— Я уеду по важным делам, можешь подождать меня здесь.

— А погулять можно?

— С охранником. Ты карточку с деньгами взяла или тебе дать?

— Нет, у меня есть.

Целует меня в лоб и уходит.

В лоб поцеловал. Это ж надо.

Решаю осмотреться в номере. Панорамные окна с видом на город. Большая двуспальная кровать. А потом я вижу ванную и удивляюсь ещё больше. Потому что в ней прозрачные стены! Рисую картины в голове, как я принимаю душ, а Роберт смотрит на меня. Видение меня сильно возбуждает.

За все то время, что я с ним, мы ни разу не принимали душ вместе. А теперь, может, он захочет, чтобы я потёрла ему спинку? Смешно, конечно. Рассуждаю, как влюблённая дуручка. А может, так оно и есть?

Как всегда, откладываю серьёзные думы на потом, беру деньги и спускаюсь. Пришло время для знакомства с мини-государством.

Охранник Роберта, как невидимка, следует за мной.

Он и в Москве за мной следил. Но не так открыто. То тут, то там видела его машину. А теперь идёт за мной на расстоянии.

Не знаю, чего боится Роберт. Что меня украдут? Или что я сбегу?

Рядом с отелем я нахожу шикарный парк с разными экзотическими растениями, потом гуляю по набережной, обедаю в одном ресторанчике. Еду на такси и катаюсь на знаменитом колесе обозрения.

Замечательный день. Давно такого не было.

Возвращаюсь в отель и застаю Роберта в номере. Сидит за столом, снова с ноутбуком.

— Куда ходила? — спрашивает, даже не повернувшись в мою сторону.

— Гуляла, мне очень понравился Сингапур, красивый и ухоженный город. Такой современный. У меня такое ощущение, что они за каждым сантиметром здесь ухаживают. Действительно, как город будущего.

Рассказываю ему и параллельно раздеваюсь, он даже не смотрит в мою сторону и, наверное, не слушает.

Захожу в душ и включаю воду. Только после этого Роберт поворачивает голову в мою сторону.

Сначала просто смотрит, как я выдавливаю гель, растираю его по коже, затем начинает раздеваться и идет ко мне.

Я же ведь этого и добивалась. А теперь останавливаюсь и не знаю, что делать дальше. Он становится рядом со мной под душ. Дотрагиваюсь до его груди мочалкой, останавливаюсь, смотрю в глаза. Вроде там нет стоп-сигнала, поэтому продолжаю. А затем бросаю мочалку и растираю гель рукой.

Исследую каждый миллиметр его кожи, вожу по всем изгибам и мышцам. Почему мне так нравится его трогать? Неужели потому что раньше мне было запрещено, а теперь он меня не останавливает? Решаю спросить прямо:

— Почему раньше нельзя было так делать?

— Раньше мне были неприятны такие прикосновения.

— А теперь? — спрашиваю и замираю в ожидании ответа.

— А теперь я не против.

Конечно, ответ в его духе.

Роберт наклоняется и целует меня в губы. Затем опускается ниже, ниже, пока не становится на колени. Раздвигает мои ноги и целует.

Утром я просыпаюсь в новом положении. Я лежу на его груди и обнимаю рукой. Не помню, как я заснула. Неужели так и спала всю ночь?

Роберт ещё спит, и я разглядываю его, не стесняясь. Сейчас мне он кажется таким родным, близким.

Честно, я не представляю, что будет, если он вдруг мне завтра скажет, что «больше не нуждается в моих услугах».

Но разве может он так сказать?

Вспоминаю, как вчера между ласками спросила у него, правда ли то, что он сказал мне в самолете. Про то, что он никому не платил за фильм. Я все равно до конца не верю. Может, он не понял моего вопроса или не так расслышал, но Роберт прошептал ответ мне на ухо:

— Ты бесценна.

Наши последующие дни в Сингапуре проходят примерно так же: днём Роберт работает, я брожу по городу в одиночестве с охранником за спиной. Вечером мы вместе ужинаем, затем поднимаемся в номер и занимаемся сексом, потом спим.

Сегодня я не могу заснуть и думаю. Мы здесь уже десять дней. Я всю страну посмотрела, изучила вдоль и поперёк, она маленькая. Мне скучно. И я злюсь: Роберт мог бы меня куда-нибудь ещё пригласить.

Хотя с какой стати?

В России было то же самое. Только встречи в местах, где есть кровать для занятий любовью.

Хотя о какой любви речь? Это я так только про себя говорю. Он наверняка так не думает...

— Почему не спишь? — Роберт спрашивает сонным голосом, я вздрагиваю.

— Не могу уснуть.

А что ещё говорить? Что я думаю о наших отношениях, которых нет?

Притягивает меня к себе, целует в плечо и вдыхает запах. Закрываю глаза, не шевелюсь, из его крепких объятий все равно не вырваться. Через какое-то время засыпаю.

А утром сюрприз — просыпаюсь, а он все ещё в номере, хотя обычно уходит на свои встречи, когда я ещё сплю.

— Вставай, у нас скоро самолёт.

Приподнимаюсь на кровати.

— Мы летим домой?

— Нет, в Дубай.

— Что?

— Что такое? — смотрит на меня и хмурится.

Я встаю, потому что от возмущения не могу больше лежать.

— Когда ты собирался мне это сказать?

— Алиса, перестань, можно подумать, я рушу какие-то твои планы, тебе все равно нечем заняться...

— Я же не вещь, которую просто взял, положил в чемодан и полетел, куда хочешь. Трудно заранее сказать?

Чувствую, как к глазам подступают жгучие слёзы, затыкаю рот рукой и убегаю в туалет. Вообще-то, мне бы больше подошла ванная. Но она прозрачная. А туалет закрывается. И тут меня будет не видно.

Он не увидит, как я сижу на унитазе и вытираю лицо от слез. Интересно, сколько ещё людей, живя в таком роскошном отеле, плачут в туалете?

А ведь я даже и не поплавала в том бассейне на крыше. Все ждала, что у Роберта будет свободный день, и мы сходим туда вместе.

Выхожу из туалета уже более собранная. Спрашиваю ровным голосом:

— Сколько часов до самолета?

Смотрит на часы, отвечает:

— Пять.

— Я успею искупаться в бассейне наверху?

Роберт прищуриваются, как будто что-то оценивает.

— Сможешь.

Надеваю купальник, беру полотенце, выхожу из номера.

Вообще, я заметила, что все то время, пока я переодевалась, он сверлил меня взглядом, но специально встала к нему спиной. Пусть знает, что я обиделась.

Хотя чего я этим добьюсь? Роберт явно не из тех мужчин, которые просят прощения.

Интересно, была ли хоть одна девушка, которой он подарил цветы? Или которой сказал «я люблю тебя»? Сомневаюсь.

У него лёд вместо сердца, ему все это не нужно. Ему нужен просто секс.

Поднимаюсь и выхожу из лифта такой злой, что не сразу замечаю красоту вокруг. Большой бассейн на крыше, и кажется, что нет никакой перегородки, можно свалиться вниз. Конечно, это только видимость, но дух захватывает.

Оставляю полотенце на лежаке и иду плавать. Вода отвлекает меня от грустных мыслей. Ложусь на спину, закрываю глаза и обо всем забываю. Повезло — и народу не так много. Хотя я слышала, что иногда здесь не протолкнуться. Ведь сюда приходят абсолютно все отдыхающие: и те, у которых номер экономкласса, и те, которые живут в люксе, как я.

Кто-то хватает меня за голову и опускает под воду, едва успеваю задержать дыхание. Но сразу всплываю наверх. И слышу смех Роберта. Я кашляю, а он притягивает к себе:

— Ну, что, остыла?

— Нет! Ты меня чуть не утопил, — бью ладонью несильно, он снова обнимает, говорит:

— Не преувеличивай.

Ну вот снова, он ничего приятного не сказал, а сердце мое оттаивает.

Моя щека у него на плече. Я закрываю глаза. Так стоять ещё приятнее, чем лежать на воде.

Мы так долго проплавали в бассейне, что чуть не опоздали на самолет.

— Не понимаю, зачем так спешить, самолет все равно частный, — говорю Роберту, пока мы бежим к нужному выходу.

— У пилота есть другие рейсы, он работает не только на меня.

У меня было стойкое ощущение, что я что-то забыла. Когда самолет взлетел, я поняла, что оставила свой телефон на лежаке. Поворачиваюсь к Роберту, вздыхаю:

— Я забыла телефон!

— Куплю тебе новый, как прилетим.

— Там все мои контакты, и тетя будет звонить...

К нам подходит стюардесса с напитками, вежливо предлагает выбрать.

Когда она уходит, Роберт говорит:

— Ерунда, номер тоже восстановлю.

— А куда делась прежняя стюардесса?

— Я ее уволил.

— Почему? — спрашиваю и пытаюсь сдержать радостные нотки в голосе.

— Она мне никогда не нравилась, — отвечает равнодушно. У меня мурашки бегут по спине, почему-то представляю, что однажды он так и про меня скажет...

Мы хорошо долетаем.

Эмираты чем-то напоминают Сингапур. Высокие здания, современный ландшафт. Но здесь я чувствую себя не так уютно. Какая-то тревога внутри засела. Может, дело в том, что в этой стране женщинам принято не выставлять себя напоказ, закрывать лицо.

Да, на улице много иностранцев, и все они ходят в привычной для меня одежде, но все равно охота надеть на себя паранджу, чтобы не смущать некоторых мужчин.

Я даже прочитала правила в интернете по поведению в общественных местах и старалась их соблюдать. Не надевала слишком открытую одежду, старалась, чтобы платье прикрывало колени. А вообще, я была бы рада посидеть в отеле, но Роберт, как назло, в этой стране сменил свою тактику и стал брать меня на все свои деловые встречи.

В общем-то, потом мне становится понятно почему. Деловые встречи проходят так, что мужчины сидят за отдельным столиком, а женщины — за другим. Чаще всего я сидела в одиночестве. Но вот вчера познакомилась с другими девушками, и сегодня присоединилась к ним.

В основном все русские. Но есть и иностранки, с ними я не общаюсь, так как плохо знаю язык. Да, эскортницы тоже есть, как в том загородном доме, но вообще компания собралась необычная, например, одна девушка демонстрирует всем своё кольцо:

— Скоро стану законной женой.

— Сколько ты его обрабатывала? — спрашивают почти хором другие.

Эффектная высокая брюнетка накручивает кудряшки на палец и начинает свою историю:

— Ой, девочки, чего я только не делала. Я платила охраннику, чтобы он сообщал мне его местоположения. В какие рестораны ходит, в какие бары. Вот так познакомилась, ну, а дальше я своего не упустила, оставила работу, теперь только с одним сплю. Серёжа, правда, как не от мира сего, принимает мое прошлое, любит.

— Нет, нам нравится, что можно сегодня с шейхом, а завтра с нашим русским, — высказывается одна из эскортниц и заливисто хихикает.

— А что твой тебя другим не даёт, да? — спрашивает Карина, она приехала сюда вместе с другими девушками, которые должны развлекать одиноких бизнесменов.

— О чем ты? — спрашиваю я.

Она наклоняется и начинает шептать мне на ухо:

— Я слышала вчера, как бизнесмены обсуждали, что тебя трогать нельзя, потому что шейх за ночь с тобой предложил Роберту много денег. А он отказался и потерял выгодный контракт.

Затем приподнимается и говорит громче:

— Только не обольщайся. Я тоже с одним думала, что я особенная, пока не увидела, как он на глазах у меня повёл трахать другую. А потом заставлял и меня с ними. Если ты сразу знаешь своё место, больно не будет.

Я сначала подумала, что Карина просто меня с кем-то перепутала, но потом вспомнила, что вчера, правда, был один шейх, который странно на меня посматривал, неужели правда хотел купить меня?

— Хватит ее пугать. Роберт другой! И она не похожа на наших, — вставляет другая девушка.

— Роберт никогда не заказывал наших девчонок, — добавляет третья. Никак не могу запомнить их имена: две блондинки очень сильно похожи друг на друга.

Но Карина их не слушает, она смотрит на меня:

— Это неправда. Я была с Робертом ещё в начале своей карьеры. Он был моим первым клиентом. Мне тогда очень понравилась такая работа, подумала, что все будет брать сзади и не надо делать лишних движений. Не надо целоваться и делать минет, десять минут и готово. Тебя он тоже берет только сзади? И глаза завязывает? Странные пристрастия, да? — хитро улыбается.

Змея.

У меня сердце вниз падает от такой наглой откровенности. Я смотрю на Роберта, который сидит и общается в другой стороне огромного помещения. Он меня не видит, у него все хорошо.

Карина продолжает, и все за нашим столом ее внимательно слушают:

— Да, Роберт думал, что я его не видела. Но я как вышла, стала караулить, чтобы посмотреть, кто выйдет из номера. Вышел он. И меня отпустило еще больше. Я, конечно, по члену поняла, что трахает не старый хрыч, но что он хорош собой, меня успокоило. Тогда меня мучили угрызения совести. Теперь нет.

Я молчу, мне противен разговор, но две одинаковые блондинки продолжают спорить:

— Вот видишь, я же говорю, что Алиса особенная. Он тебя отпустил, а она у него на постоянной основе.

Я хочу остановить бесконечный поток слов и кричу:

— Зачем вы это делаете? Почему не уйдёте? Ради чего так живете?

На минуту все замолкают. Затем все дружно заливаются громким смехом, так что даже мужчины оборачиваются в нашу сторону.

Карина первая вставляет слово:

— То есть ты думаешь, что лучше? Или у тебя какая-то великая цель есть? Ну-ну, успокаивай себя.

Смеётся и никак не может успокоиться больше всех та, которая собирается в скором времени замуж. Я недоуменно на неё смотрю, она объясняет:

— Хоть меня и хотят повесить до статуса жены — все равно это то же самое. Выполнять работу, чтобы получать деньги. Отдавать своё тело в пользование. А у тебя какая цель?

— Нет у меня цели, — встаю и выхожу из-за стола.

Так гадко, как будто меня только что в грязь окунули. Неужели никто из них не мечтает о настоящей любви? О настоящем счастье и семье? Деньги, кругом только деньги.

Раньше я обвиняла мужчин в том, что существуют такие профессии, но сейчас я думаю, что женщины тоже виноваты. Они готовы продаваться.

И я была готова. Но цели у меня, действительно больше нет. Брата вылечили. Я могу перестать работать у Роберта. Вот только он меня не отпускает.

Я выхожу на улицу, вдыхают воздух большого города, легче не становится. Водитель отвозит меня обратно в отель.

Роберт появляется через пять минут после меня. Потому что я даже не успеваю прийти в себя.

Открывает дверь и спрашивает:

— В чем дело? Почему ушла?

— Я не хочу быть на приеме с этими девушками.

— Ты пойдёшь туда, куда я скажу. И не уходи без разрешения, мне тоже пришлось уйти из-за тебя.

Я сижу на кровати, Роберт наклоняется ко мне и видит мои слёзы.

— Что тебе сказали шлюхи? Зачем ты их слушаешь, у тебя своё мнение есть?

Поворачиваюсь к нему и кричу:

— А что, ты разве даёшь мне его проявлять? Это ты виноват, заставил меня жить такую жизнь, я ее не хотела!

— Ты хотела стать актрисой. Хотела?

— Да.

— Вот и стала. А то, что ты моя, это не обсуждается. Да, это я решил без тебя. Так будет всегда. И не надо делать такое лицо. Когда каждую ночь кончаешь, лицо у тебя совсем не страдальческое, и стонешь каждую ночь тоже не от горя. Тебе не на что жаловаться!

— Зачем тебе я? Там есть Карина, с которой ты тоже спал. Вот таскай ее везде, она будет рада, а меня отпусти. Я хочу это прекратить!

Роберт нервно ходит по комнате, затем резко останавливается и рычит:

— Вот черт, ты завела меня. Иди сюда. Я покажу тебе, как я трахал других, и ты сравнишь. Может, перестанешь после этого жаловаться.

Он подходит и берет меня за руки.

Я отмахиваюсь.

Роберт разворачивает меня к себе спиной, поднимает мне платье и разрывает трусики. Я упираюсь руками в кровать. Он резко и неожиданно в меня входит.

Я не знаю, как так получается. Мой разум возмущается его поведению, я презираю грубость, но, когда он начинает двигаться, я понимаю, что мокрая — всегда готовая его принять.

Он стонет, потому что тоже это замечает.

Его толчки резкие и быстрые. Он держит меня крепко за талию. Спрашивает:

— Нравится?

Все кажется унижительным. Он взял меня силой. Но может, потому что мое тело помнит все его другие прикосновения, знает, какое удовольствие я обычно получаю, поэтому и сейчас реагирует, как обычно? Не знаю. Я чувствую, что теряю контроль. Все приятные ощущения стягиваются в одну точку внизу живота. Мне не хочется, чтобы он останавливался. Я выпускаю стоны наружу.

Его толчки становятся медленнее, хотя он тяжело дышит. Он рвёт мое платье и откидывает его в сторону. Не думала, что такое дорогое платье можно так легко порвать. Я в одном бюстгальтере. Он расстёгивает его и облакачивается вперёд мне на спину, руками сжимает мою грудь.

Он больше не держит меня, я могла бы вырваться, если бы захотела, но я больше не хочу. Я хочу ещё.

Роберт целует мою шею, там, где ещё ни разу никто не целовал.

Он не двигается, а меня сжигают искры, я сама пытаюсь насаживаться на его член, ещё чуть-чуть и я достигну пика... Роберт опускает свою руку на мой клитор и двумя пальцами растирает его. То медленно, то быстро. Я широко открываю рот, воздуха не хватает, задыхаюсь. Кончаю. Через несколько сильных толчков слышу его громкий рык. Чувствую, как сперма разливается внутри и стекает наружу.

Я поворачиваюсь к нему. Роберт стоит, тяжело дышит и тоже смотрит на меня.

Я провожу рукой по его груди, хочу обнять. А он отстраняется и уходит, хлопнув дверью в ванную комнату.

Наверняка с другими у него было не так, как со мной. Мне хочется верить, что не так. Я действительно с ним не страдаю, наоборот, кажется, я по-настоящему в него влюбилась.

И он не продал меня шейху, если это правдивая история. Я должна была сказать спасибо, а вместо этого я его разозлила.

Роберт выходит из душа, я говорю:

— Прости.

Он подходит ко мне, проводит рукой по волосам:

— И ты меня прости, я погорячился.

Когда уже собирается выйти из номера, бросает мне:

— Вечером надень красивое платье, будем плавать на яхте с моими деловыми партнёрами.

— Хорошо, — отвечаю послушно.

Я тщательно готовлюсь к вечерней прогулке. Крашусь ярче обычного, надеваю длинное, блестящее платье, ни разу его ещё не надевала, считала, что оно слишком вычурное для меня.

На яхту меня везёт водитель Роберта. Роберт встречает меня около большой яхты, на которой уже много народу. Громко играет музыка.

Берет меня за руку. Его ладонь очень горячая, а вот у меня руки холодные. Он сильно сжимает мою руку.

Понимаю, что погорячилась с платьем, на улице прохладно, а у меня все плечи открыты. Когда мы поднимаемся, я сразу натываюсь глазами на того шейха, который якобы хотел меня купить и испуганно смотрю на Роберта. Зачем он притащил меня сюда?

Роберт отводит меня в другую сторону, снимает свой пиджак и накидывает мне на плечи, говорит:

— Не отходи от меня далеко, хорошо?

Я киваю.

Через какое-то время я успокаиваюсь. Шейх вроде совсем и не смотрит в мою сторону, вокруг него другие красивые девицы разных национальностей. Роберт стоит рядом, общается с каким-то мужчиной.

Ищу глазами среди присутствующих знакомые лица. Не могу найти ни одной девушки, с которой я успела познакомиться. Неожиданно меня кто-то бьет в плечо, я поворачиваюсь. И вижу Милану.

Ту, самую Милану из далекой жизни, это из-за неё я с Робертом «познакомилась».

Берет меня за локоть и оттаскивает подальше. Роберт стоит спиной и ничего не замечает.

— Вот это встреча! Не могу поверить! — обнимает меня, как лучшую подругу, когда мы отошли на приличное расстояние от толпы.

Не могу ответить ей тем же, просто смущённо улыбаюсь.

— Я так и знала, что ты идеально подходишь на эту роль, — радостно говорит Милана.

— Какую роль? — спрашиваю я.

— Содержанки миллиардера.

Я смотрю в сторону Роберта и грустно улыбаюсь. Что тут ответить. Да, такая теперь у меня роль.

Милана хлопает меня по плечу и все также радостно продолжает:

— Ну, ты даёшь! И как тебе удалось. Стой, неужели тогда в отеле это он был?

Киваю.

Качает головой.

— Я упустила свой шанс, значит, — говорит, затем залиvisto смеётся. Тут только понимаю, что, наверное, она сильно пьяна. Поворачивает меня, показывает рукой:

— Вон видишь, в голубом пиджаке, это мой.

Снова хихикает.

Я смотрю на мужчину арабской внешности. Приятной наружности, но маленького роста. А Милана — девушка очень высокая.

Снова говорит мне:

— Какая ты молодец. Я знала, кого посылать вместо себя! Ты пошла по родительским стопам.

Последняя фраза бьет как обухом по голове.

Смотрю на Милану и спрашиваю:

— Что ты несёшь, каким родительским стопам?

Милана смеётся вместо ответа, мне хочется надавать ей по щекам, чтобы привести в чувство. Но я только сжимаю кулаки, наконец, она говорит:

— Одинцова, твою мать все в Москве знают. Это она меня в бизнес привела. И многих других девочек. Не знала?

— Это неправда, ты что-то путаешь. Моя мама пропала много лет назад, с чего ты это взяла?

На самом деле, мой отец говорил мне, что мать нас бросила, но я для себя придумала другую версию — что она просто пропала. Придумала и поверила. А теперь мой мир рушится.

— Во-первых, вы с ней сильно похожи, я при первой встрече заметила. А во-вторых, мы с ней один раз пили, и она по секрету разболтала, что была у неё дочка Алиса.

Была... Я для неё умерла?

— Как ее зовут? — спрашиваю тихо.

— Все называют ее Мишель. Но я знаю настоящее имя. Вера, да?

Опускаю глаза, значит, это не ошибка.

Отхожу от Миланы, мне резко становится плохо. Голова кружится, мне кажется, я теряю сознание. Кто-то подхватывает меня за руки. Смотрю. Оказывается, это Роберт.

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Да, нечем дышать, — говорю я.

Правда, не могу сделать вдох. Наверное, это от стресса. Он ведёт меня куда-то, заводит в каюту, обнимает крепко, гладит по волосам, говорит:

— Успокойся, все хорошо.

Через какое-то время мне становится лучше, я дышу ровно.

Роберт отстраняется, внимательно смотрит на меня, берет за руку и ведёт обратно.

Мы уезжаем в отель. В машине он все время обнимает меня. И я вдруг решаю спросить, хотя это в данную минуту беспокоит меня меньше всего:

— Это правда про шейха, что меня хотели купить на одну ночь?

— Кто тебе сказал? Ты из-за этого так?

— Нет, не из-за этого, — отвечаю тихо.

— Забудь, тебя никто не тронет, — говорит и после паузы добавляет:

— Кроме меня.

Улыбаюсь сквозь слёзы.

В отель Роберт несёт меня на руках. В номере заставляет поужинать: думает, что мне плохо из-за того, что долго ничего не ела.

Я послушно ем заказанную еду и ложусь спать. Но сон мне не даётся, я проваливаюсь в пучину разных мыслей. Думаю о маме. Почему папа говорил, что она ушла к другому мужчине? Или так и было?

Возможно ли, что она занимается такой работой? Это ужасно.

Одно дело я. А совсем другое узнать такое про собственную мать. Неужели она толкает других девушек к такой работе?

Роберт ложится рядом и обнимает меня. Я поворачиваюсь в его сторону. Ложусь на его плечо и крепко засыпаю.

Просыпаюсь оттого, что Роберт стягивает с меня трусики и сорочку. Целует и поглаживает соски. Мое тело начинает просыпаться от его ласк. Хочется выкинуть из головы чужие мысли и ни о чем не думать. Секс — отличное лекарство.

Обычно по утрам я делаю ему минет, а затем он доводит меня до оргазма языком, но в последнее время Роберт придумал кое-что получше.

Вот и сейчас я встаю и сажусь сверху в привычное положение. Его голова у меня между ног, а его утренняя эрекция рядом с моим ртом.

Роберт первый прикасается ко мне губами, я тоже облизываю головку члена так, как будто это самое сладкое мороженое на свете. Роберт водит языком так рьяно, что я не могу взять член полностью в рот — не получается контролировать дыхание от приятных ощущений. Я вожу по его твёрдому стволу рукой, из моего рта все время вырываются стоны.

Думаю, что поза 69 — это соревнование между двумя: кто выдержит накал и сможет продолжать ласкать партнера, отбрасывая мысли о собственном удовольствии. Я эту схватку проигрываю.

Пытаюсь перестать сосредотачиваться на том, что он там делает своим языком с моим напряженным клитором, готовым вот-вот взорваться. И, наконец, беру член глубоко в рот, Роберт ослабляет хватку, тяжело дышит, теперь он гладит меня только пальцами. Ну вот, кажется, победа за мной?

Я усиленно продолжаю, но через минуту он снова раздвигает половые губы и прислоняется языком к горячему клитору, одновременно с этим вводит в меня два пальца: сразу в две моих дырочки. Он прежде никогда так не делал. Эти новые ощущения сбивают меня с толку.

Для меня анальный секс — табу, и я была рада, что Роберт даже не пробует мне такое предлагать.

Но он все равно нашёл способ проникнуть в запретное место.

Да, видимо, Роберт не умеет проигрывать, я сдаюсь: кончаю первая с громким «Аааах». Оргазм длится дольше обычного, и ощущения острее.

Когда я прихожу в себя, довожу дело до конца: теперь меня никто не отвлекает. И у меня получается все быстро: он кончает мне в рот через пару минут. Я ложусь рядом с ним. Роберт говорит:

— Люблю твой вкус, он ни на что не похож.

Мурашки бегут по коже. Это, конечно, не признание в любви, но все равно приятно. Спрашиваю шутя:

— А ты многих женщин попробовал на вкус?

После продолжительного молчания отвечает:

— Я ни с кем больше не пробовал такую позу и ни одну женщину раньше так не целовал — не хотелось.

Не могу сдержать счастливую улыбку. Приятно такое слышать.

Мы первый раз за очень долгое время проводим весь день вместе. Гуляем по городу, кушаем в ресторанах, даже по магазинам ходим.

Роберт первый раз на улице берет меня за руку, моя ладонь горит от такого простого прикосновения. И почему такой жест не менее приятен, чем утренний оральный секс?

— Расскажешь, что вчера с тобой случилось? — спрашивает неожиданно, и я только в этот момент понимаю: я ведь забыла! Так увлеклась Робертом, что все мои переживания ушли на задний план. Отвечаю кратко:

— Я узнала, что моя мать очень плохой человек.

Смотрит серьезно. Хмурится, а мне хочется его поцеловать. Вот просто так: самой кинуться ему в объятия и утонуть.

— Не переживай, не всегда родители — самые лучшие люди на земле. И если они плохие, то это не значит, что ты такая же.

— Звучит так, как будто ты знаешь, о чем говоришь.

Роберт отпускает мою руку и тяжело выдыхает:

— Знаю.

Мы молча возвращаемся в отель, и хоть мы почти и не поговорили, есть ощущение, что я высказалась, и меня поняли. Поужинав в номере, мы просто ложимся спать, как вчера.

Я долго думаю: какие же были у Роберта родители, раз он так говорит? Может, это вовсе не он виноват, что ведёт себя так холодно и не по-человечески иногда?

Да, может, и я выросла не такой, потому что моя мать меня бросила...

Внезапно я вспоминаю то, о чем совершенно позабыла последнюю неделю!

Я приподнимаюсь на кровати, смотрю на Роберта, он крепко спит, бегу в ванную на цыпочках. Там открываю свою сумку. Считаю.

Я не пила таблетки уже шесть дней!

Черт, черт, черт!

В Сингапуре я забыла телефон, в аэропорту Роберт купил мне новый. Но именно на старом был заведен будильник, который напоминал мне каждый день о контрацепции.

Как я могла забыть?

Пытаюсь спокойно дышать. Надо подумать, что можно сделать. Может, ничего страшного?

Вспоминаю и считаю, сколько за эти дни у нас был секс. И понимаю, что сегодняшний день — единственный без проникновения. Я могу забеременеть, что же делать?

Возвращаюсь в постель и тихо ложусь рядом. Смотрю на Роберта, вспоминаю, как он мне говорил, что если я забеременею, то это только моя ответственность.

Отворачиваюсь от него на другой бок. Надеюсь, что все обойдётся.

Через месяц

Роберт

— В этом году нам удалось поднять продажи на 20 процентов, а ещё улучшился..., — менеджер не может два слова связать, третий раз за совещание смотрит в свою бумажку.

Неожиданно для себя кричу и бью кулаком по столу:

— Пошли вон.

Сотрудники синхронно поворачиваются в мою сторону, смотрят не моргая.

— Я сказал, что заседание окончено, все свободны, — старюсь говорить спокойно, но выходит так, как будто я говорю им, что сейчас расстреляю.

Все судорожно поднимаются со своих мест и быстро выходят из конференц-зала.

Наливаю из кулера воды, пью, сминая стакан в руке.

Это самая противная вода, которую я когда-либо пил. В горле как будто горечь стоит, ничем не выводится.

Заходит Феликс, начальник охраны с какой-то папкой в руках, это меня успокаивает. Значит, смог что-то найти.

Даже сесть не предлагаю, спрашиваю:

— Нашли?

— Пока нет.

Закрываю глаза.

— Но я кое-что узнал..., — пытается успокоить меня Феликс, но поздно. Я взрываюсь:

— Что, блядь, сложного найти одну девушку, которая не могла далеко убежать? Ты мне скажи, что сложного, почему именно ее никто найти не может? Испарилась?

— Мы найдём, — говорит спокойно.

Тяжело дышу и спрашиваю:

— Что ты там узнал? — сажусь в кресло, боль невыносимо бьет в виски, стоять трудно.

— За день до своего исчезновения она была у некой Веры Дмитриевой. Мы выяснили, что она раньше была Одинцовой Верой, — молчит, переминается с ноги на ногу, добавляет:

— Ну, то есть мать получается.

— Я понял. Адрес есть?

— Да.

— Поехали.

В машине пытаюсь растереть виски, но тупая боль не проходит. Такая же боль у меня в грудной клетке. Развязываю галстук и бросаю рядом, дышать трудно, как будто петлю на шею повесили.

Алиса пропала три дня назад. Я не видел ее три дня. И с каждым днём мне становится хуже. Как будто я внезапно заразился смертельной болезнью, и зараза меня сжирает изнутри.

Нужно срочно выпить противоядие, но я не могу его найти.

Почему она сбежала? Что случилось? А что, если не сбежала, а ее похитили? Хотя не похоже. Вещи собраны заранее, с вклада деньги сняты тоже раньше побега. Она готовилась, ждала подходящего момента. Специально обманула охранника и скрылась в неизвестном направлении.

Чего ей не хватало? Что случилось?

Все было, как прежде, мы вернулись в Москву, как обычно, встречались по вечерам, у неё начались новые съемки в фильме. Дядя с тетей вернулись, но я оплатил новое лечение по восстановлению, снова как будто от фонда, и они успели уехать. На этот раз в Германию.

Я не заметил в ней никаких перемен, но что-то явно случилось.

Перебираю каждый день последних месяцев и не могу найти важную деталь, то, из-за чего все разрушилось.

Была только одна конфликтная ситуация. В новом фильме у Алисы должен был быть поцелуй с актером. Я велел ей найти другую роль, она настояла на своём, и мне пришлось согласиться.

Но не станет же она собирать вещи и сбежать из-за такого?

Поднимаюсь на нужный этаж, звоню в квартиру.

Надо же она все-таки нашла свою мать, почему мне ничего не сказала, не попросила о помощи?

Дверь открывает женщина, совсем не похожая на Алису.

Высокая, с огненно-рыжими волосами, ярко-красной помадой. Ей больше пятидесяти, но выглядит хорошо, ни одной морщины на лице не видно.

— Здравствуйте, чем могу помочь? — произносит милым голосом и улыбается.

Здесь только нахожу сходство с Алисой: ямочки на щеках, по две с каждой стороны.

Во мне борются две личности. Одна говорит: что это все-таки мать Алисы и можно повежливее, а другая шепчет: поставь на место эту дамочку, иначе она сейчас будет вертеть передо мной своим хвостом.

— Алиса была у вас? — задаю вопрос с порога и прохожу внутрь. Надо осмотреть квартиру, вдруг она здесь?

Женщина моментально снимает с лица искреннюю улыбку и становится похожа на статую. Говорит:

— А так это вы тот самый?

— Какой тот самый? — спрашиваю не по-доброму.

Не отвечает. Начинаю выходить из себя:

— Знаете, где Алиса может быть? О чем вы говорили, когда она приходила. Что ей сказали?

— Говорили о нелёгкой женской доли.

— Что вы ей сказали? — рычу на неё, рядом со мной на столе стоит ваза. Еле сдерживаюсь, чтобы не взять ее и не запулить в стену.

— Зачем она вам? Где она — я не знаю. Но зачем ищешь? Для чего? — спрашивает и ухмыляется.

А мне становится жаль, что Алиса досталась именно такая мать. Она вряд ли ее обнимала и любила.

— Что вы ей сказали, можете нормально ответить? — спрашиваю ещё раз.

— Что любовница никогда не станет женой. И что если она не хочет закончить, как я, на обочине жизни, без семьи и детей, то пусть бежит от вас, сверкая пятками. Вижу, что послушалась, молодец.

Хочется зажать ее горло рукой и надавить что есть мочи. Чтобы никогда эта женщина не говорила такие вещи вслух. Но собираю волю в кулак и иду к выходу, на пороге останавливаюсь и говорю:

— Алиса для меня не просто любовница.

Алиса

Снова не могу уснуть: очень жарко, даже открытое настежь окно не помогает.

Мне не нравится, ничего здесь не нравится. Ни желтый цвет стен, ни зелёные занавески на окнах. И кровать с односпальным местом.

Вообще, я не имею права жаловаться: на самом деле любой был бы рад и счастлив поменяться со мной местами. Оказаться на Гавайях, где круглый год прекрасная погода, спать рядом с побережьем, где слышен успокаивающий шум моря...

Только он меня не успокаивает.

Всегда мечтала побывать в Америке, тут же Голливуд!

Усмехаюсь. Я совсем не рада. Наверное, все дело в том, что я сюда приехала не для приключений и веселья. Я сюда приехала вынужденно, чтобы спрятаться от Роберта.

Ещё задолго до теста на беременность я поняла, что ничего «не обойдётся». Появилась тошнота и неприятие запахов. Хотя до задержки ещё было много дней. Я, конечно, себя успокаивала, что это просто симптомы стресса, но в глубине души знала, что залетела.

Странно, что Роберт вообще ничего не заметил. Странно и обидно. Я почти не улыбалась, не смеялась и не заговаривала с ним первая. Только смотрела в одну точку и думала: что делать.

Конечно, какое ему дело до моих проблем? Роберту никогда не были нужны разговоры от меня. Нужно только чтобы я вовремя оказывалась голой в его постели. И все.

А с сексом было все как всегда.

Даже, может быть, лучше. Я отдавалась ему последний месяц с большей страстью, чем обычно. Потому что знала, что каждый раз может стать последним.

Последний раз, когда он меня целует в шею.

Последний раз, когда моя грудь лежит в его ладонях.

Последний раз, когда наши тела — единое целое.

Я хорошо запомнила наш последний раз.

Первый раз я сама проявила инициативу, Роберт сидел в кабинете за столом с бумагами, может, и не собирался в тот день ко мне прикасаться. Я подошла сзади и стала пальцами массировать его шею. Когда почувствовала, что его напряжение ослабло, повернула кресло к себе, опустилась на колени. Умело расстегнула брюки и впилась губами в его член, который был уже очень твёрдый. Видимо, его очень возбудило то, что я взяла инициативу в свои руки.

Но Роберт быстро отнял у меня лидирующую позицию. Смахнул бумаги со стола, одной рукой поднял меня и положил на стол. Вошёл резко, не церемонясь, глубоко. Быстро двигался и громко кончил.

Это был единственный раз, когда я симулировала, что у меня тоже все получилось. Несложно притвориться: мне было приятно и хорошо, но я просто не хотела забывать о его присутствии и сосредотачиваться на себе.

Я жадно смотрела на Роберта, пыталась запомнить каждое мгновение последней близости. Ловила каждый его вздох и стон, выражение на лице и эмоции. Хотела запомнить все в мельчайших подробностях.

Зачем? Не знаю. Может, чтобы пересматривать такими бессонными ночами, как эта? И истязать себя, понимая, что такого, как Роберт, больше в моей жизни не будет.

Тест на беременность я сделала в туалете на съемках. Странно, конечно, что вообще согласилась на новый фильм: все равно что продолжать играть на скрипке на утопающем «Титанике».

Я не удивилась двум полоскам. Удивилась своей реакции, потому что я как будто немного обрадовалась, и сердце радостно зашло в груди.

Мальш, новая жизнь. Это же всегда хорошо?

Даже промелькнула мысль: а что, если я ему расскажу, и все будет нормально, как у обычных людей?

Но как ответ на мой вопрос, тут же скрутило живот от страха. Представила, как Роберт поведёт меня на аборт в ближайшую клинику. И ещё посмеётся, что я надеялась увидеть другую реакцию...

Нет, так я рисковать не могла.

И сделать тайный аборт я тоже не могла. Тетя с дядей и Пашка вернулись. Много приятных вечеров я у них провела. Я смотрела на них и думала: ну вот же они такие счастливые, несмотря на все тяготы и болезни своего ребёнка. Они справились, и я смогу. Одна. Папа меня любил за двоих. И я буду любить за двоих.

Все распланировала и подготовила. Денег много, хватит в другой стране и новую профессию получить, и язык выучить. Да вообще, если захочется, можно жить года три, не работая.

Я даже сделала себе ненастоящие документы. Когда есть много денег — любая услуга становится доступной.

Но я все равно никак не могла решиться на последний шаг. Помогла встреча с женщиной, которую я когда-то называла мамой.

— Привет, Алиса, слышана о тебе, ты хорошо устроилась, — сказала она мне с порога. Первая ее фраза за десять лет.

Я пыталась перевести разговор на папу, на то, почему она решила уйти от нас. А она говорила только о том, как я живу. Давала непрошенные советы. В конце концов, я разозлилась и сказала:

— Не надо учить меня жить, посмотри на себя. Лучше займись своей жизнью.

— Алиса, мне уже поздно что-то менять, но я не хочу, чтобы ты наделала тех же ошибок, что и я. Не обманывай себя и не тешь надеждами: содержанка никогда не станет женой. Тебе придётся постоянно искать нового клиента, либо придётся заняться моей работой: искать клиентов другим. Не хочешь? Уходи, пока не поздно. Пока ещё можешь вырваться.

Ушла от неё обзлѐнная, полдня просто бродила по городу. Может, она и права? Если бы не случайная беременность, я бы никогда не подумала, что нужно уйти. Я бы не смогла сбежать из этого сладкого плена самостоятельно.

Я привыкла быть пленницей, и мне все нравилось.

Но вот теперь я не одна. И я должна стать свободной.

На улице в тот день я случайно встретила Кирилла, того самого моего бывшего парня. Видно, он был рад неожиданной встрече, долго хвалил мою игру и фильм.

— Не ожидал, что ты достигнешь таких высот, — говорил мне и восхищенно улыбался.

А потом вдруг рассказал о себе:

— Скоро уезжаю на Гавайи на постоянку, у меня там дядя. Решил изменить свою жизнь, надоело все.

Глупое, необдуманное решение, но я решила довериться и попросила Кирилла взять меня с собой.

Это был последний шаг, после которого я окончательно решила сбежать от Роберта.

Кирилл кричит мне с первого этажа: зовёт на завтрак. Мне не нравится, что он вот так всегда: приходит, как к себе домой.

Он помог мне пересечь границу, справиться с таможенной. Сам он живет у дяди неподалёку, а это жильё я снимаю. Но у него есть запасные ключи, и он каждый день ими пользуется. Надо это прекратить.

Спускаюсь, на завтрак хлопья с молоком. Как и вчера.

— Тебе необязательно приходиться ко мне каждый день, — начинаю я тактично...

— Алис, ты чего, мне же нравится. Ну, скоро поедешь Голливуд покорять или ещё отдохнёшь?

Ничего ему не отвечаю. Когда я сообщила Кириллу, что хочу поехать вместе с ним в Америку, он сам додумал за меня: и считает, что я просто хочу стать всемирно известной актрисой. Я его не разубеждаю: иначе придётся объяснять истинную причину, а этого я не хочу. Говорю ему:

— Я ещё отдохну.

На самом деле, смотрю на Кирилла, как он грезит актерством, славой и успехом, и вижу себя прежнюю. А теперь мне кажется все это пустым.

Мне никогда больше не сниматься в фильмах: Роберт тут же меня найдёт. Но меня это не печалит. Наверное, когда сердце кровоточит от неразделенной любви, все мечты отходят на второй план.

Не смогу я играть счастливых и влюблённых героинь. Только если какую-нибудь старуху, которая страдает от одиночества. Или «Бедную Лизу», которая бросается в воду из-за позора.

Нет, машу головой в разные стороны. Глажу живот под столом. Нужно быть сильной. В скором времени я планирую переехать в другое место и оставить Кирилла. Чтобы совсем ничего меня не связывало с прошлым. Но все нет сил сесть и организовать: посмотреть, куда лучше поехать. Живот скоро станет заметным, нужно торопиться.

— Спасибо, Кирилл, за завтрак, — выхожу из-за стола.

— Сходим сегодня вместе искупаться? — спрашивает.

— Нет, прости, у меня другие планы.

— Ладно, до встречи, — наконец, уходит.

На самом деле, нет у меня никаких планов. Надо брать себя в руки. Переезжать, вставать на учёт по беременности, учить английский... Вместо этого снова поднимаюсь наверх и ложусь в кровать. Не знаю, в чем дело: может, у меня началась депрессия? Ничего не хочу, только лежать и вспоминать.

Хотя я читала в интернете такое случается и при обычной беременности. Упадок сил, сонливость и апатия.

Я засыпаю. Вот так каждый день: ночью не могу заснуть, зато днём отсыпаюсь.

Просьпаюсь от шороха внизу. Слышу, как кто-то поднимается по лестнице. Натягиваю одеяло высоко, как будто это может уберечь меня, если в доме грабители.

Но это снова оказывается Кирилл, на этот раз с бутылкой шампанского и цветами.

Я ещё не успела толком проснуться, но настроение у меня плохое, встаю и кричу на него:

— Неужели тебе совсем непонятно, что я одна хочу побыть? Зачем ты ко мне приходишь без приглашения все время? Все. Мне надоело. Отдавай ключи, — протягиваю руку.

— Тише, Алис, не кипятись. Я долго думал..., и я хочу с тобой попробовать снова.

Не верю своим ушам. Я, конечно, заметила его повышенный интерес, но думала, что это из-за того, что я стала «известной» актрисой.

— Кирилл, уходи, ничего не получится.

— Почему?

— Я люблю другого, — говорю так просто. Хотя первый раз признаюсь в этом даже сама себе.

Кирилл кладет бутылку и цветы на стол. Подходит ко мне, я выставляю вперед руку.

Тут только понимаю, что стою перед ним в открытой сорочке. Нет, она не прозрачная, но все равно неловко. Отворачиваюсь, чтобы взять халат, но Кирилл хватается за руку:

— И кто он такой?

— Это тебя не касается! — отвечаю ему также резко.

Кирилл стягивает губы в противную ухмылку.

— И что ты хочешь сказать, что уже не девственница?

Пытаюсь вытащить свою руку, не отпускает.

— Отпусти! — говорю ему.

— Сначала ответь на мой вопрос!

— Нет, не девственница, что тебе надо?

Кирилл моментально меняется в лице, как будто сбрасывает с себя какую-то маску:

— Значит, это только со мной у тебя ничего не получалось! Понятно, ну раз, ты не целка, то чего я с тобой церемонюсь? — Кирилл разворачивает меня к себе спиной и бросает на кровать.

Я поворачиваюсь, чтобы дать ему сильную затрещину, но вижу перед собой удивительную картину.

Кирилла за горло держит Роберт и поднимает его от пола. Кирилл издаёт хлюпающие звуки, задыхается.

Я тру глаза, неужели мне все это снится? Тру и снова смотрю. Картинка не пропадает.

Он отпускает Кирилла на пол и делает два удара по лицу, после которых Кирилл падает на пол.

Затем встаёт и убегает вниз по лестнице, не произнося ни слова.

Я смотрю на Роберта, а он на меня. Как это возможно?

Нашёл меня? Так быстро? Прошло всего две недели...

Подходит ко мне и прижимает к себе крепко, гладит по волосам. Чувствую знакомый запах, значит, он точно настоящий.

— Откуда ты взялся? — спрашиваю у него.

— Я пришёл сюда, пока ты спала, сидел рядом и ждал, когда проснёшься. Когда услышал шум — спрятался в шкафу. Хотел узнать, с кем ты сюда приехала.

Смотрю на тот шкаф. Они здесь сделаны, как отдельная подсобка с дверью, действительно, можно стоять там в полный рост, не замеченным. Значит, он слышал весь разговор?

Блин. Я же сказала, что люблю.

Отстраняюсь. Сажусь на кровать, Роберт садится рядом и сыплет на меня вопросами:

— Зачем ты сбежала? Да ещё с этим полоумным. Это ты с ним раньше встречалась?

Я ничего не могу сказать. Не знаю, как объяснить. Начинаю с лёгких вопросов:

— Кирилла я случайно встретила на улице, он помогал мне до сегодняшнего дня. И вёл себя нормально. Не знаю, что на него нашло.

Роберт пододвигается и снова обнимает. Прижимаюсь ухом к его груди, слышу, как быстро бьется его сердце.

Он повторяет первый вопрос:

— Зачем ты сбежала от меня, Алиса?

Я молчу, глажу живот, не знаю, что ответить.

Роберт ждёт, я все молчу.

— Ладно, давай собирайся, поедem в гостиницу, — говорит он и встаёт.

— Нет, я не хочу возвращаться, — неожиданно прихожу в себя, вспоминаю, из-за чего я это все затеяла. Встаю.

Говорить то, что собираюсь сказать, смотря на него, очень трудно: его волосы необычно зачёсаны назад, вместо белой рубашки обычная майка, на лице отросшая щетина, как будто, правда, переживал за меня... И вообще, он выглядит сейчас обычным человеком. Не миллиардером, который покупает женщин.

Говорю ему:

— Я хочу остаться здесь, я больше тебе не принадлежу.

Роберт подходит близко, теперь я смотрю на него снизу вверх, а он спрашивает:

— Почему? — и я слышу в его голосе нежность, мне становится грустно, появляются слёзы.

— Просто не хочу, не могу..., — говорю тихо и неуверенно.

Роберт стоит, не шевелится. Затем протягивает ладони к моему лицу, убирает мои слёзы, гладит по волосам и щеке.

— Ты мне нужна, — произносит уверенно.

Слёзы перестают течь, зато колени трясутся от чего-то, смотрю на него и жду объяснений, а он меня целует вместо этого. Но я быстро отстраняюсь: не хочу терять контроль и снова падать в пучину страсти, это только ещё больше все запутает.

— Не надо, Роберт, я не хочу больше быть пленницей, хочу быть свободной.

— Ты не будешь моей пленницей.

— А кем я буду? — спрашиваю с вызовом.

Тяжело вздыхает и опускает взгляд вниз, затем резко прижимает к себе, смотрит в глаза, произносит одними губами (как будто хочет, чтобы услышала только я):

— Я не умею любить, но тебя попытаюсь.

Понятия не имею, что это значит, но вижу по Роберту, что ему стоило больших усилий это произнести. Была бы я одна, мне было бы этого достаточно. Но я больше не одна.

Пытаюсь ослабить его хватку.

— Нет, Роберт, отпусти. Я нужна тебе как игрушка, и ты хочешь ещё поиграть, а я не хочу.

Снова целует, да так, что этот поцелуй прервать невозможно: слишком сладкий вкус его губ, слишком нежные прикосновения его языка. При этом напористо и сильно, как обычно, живот сводит судорогой. Его рука скользит ниже под сорочку, он прерывает поцелуй, шепчет мне:

— Не обманывай себя, ты же тоже этого хочешь.

Тяжело дышу, восстанавливаю дыхание, отхожу от него подальше:

— Вот видишь, даже сейчас ты не оставляешь мне выбора, снова за меня решаешь, чего я хочу.

— Не понимаю, что с тобой такое? Чем я тебя обидел? — подходит ко мне, теперь почти кричит.

Тяжело дышит, успокаивается и продолжает:

— Ладно? Хочешь, чтобы я сказал словами? — подходит вплотную и смотрит как зверь. Я упираюсь в стенку, отступать некуда, а Роберт ставит руку надо мной, наклоняется:

— Неужели сама не видишь, как я к тебе отношусь? Да я же одержим тобой. Это ты вертишь мной как хочешь и сводишь меня с ума! Потому что я места себя не находит, пока искал тебя, потому что я не могу о тебе не думать. Из всех женщин только тебя одну хочу.

Снова тяжело дышит, переводит дыхание и продолжает:

— Я тебя люблю. Я все для тебя сделаю, только вернись ко мне.

Я от этих слов почти падаю и съезжаю по стенке. А он ловит меня и снова начинает целовать, нежно и медленно.

Все, как во сне. Раздевает, стягивает с меня мокрые трусики, относит на кровать. Ложится сверху. И снова целует, целует, засыпает тысячами поцелуев. Как будто хочет наверстать все те дни, что мы не виделись. И когда я уже думаю, что он никогда не перейдет к делу, Роберт ложится на меня и входит в мое лоно, изнывающее от избытка смазки.

Утопаю и растворяюсь в этих родных ощущениях. Как же я скучала, оказывается, по нашей близости.

Роберт двигается и шепчет мне:

— Моя маленькая любимая девочка.

Нет, я совсем не верю в реальность происходящего. Разве Роберт, которого я знаю, может такое говорить? Закрываю глаза от удовольствия. Я чувствую его в себе, но мне все равно кажется, что все происходит во сне.

А он продолжает шептать «любимая девочка». Все громче и громче. Мне кажется, я только от этих слов и кончаю.

Все кругом замолкает, я открываю глаза и вижу, как Роберт на меня смотрит. Может быть, только в этот момент и понимаю: он ведь, правда, меня любит. Смотрит с восхищением.

— Люблю смотреть, как ты кончаешь, — говорит и снова начинает двигаться.

Когда он останавливается и тяжело дышит, мы долго так лежим, не расцепляясь. На моей узкой кровати все равно нельзя лечь рядом. Голова Роберта у меня на животе. Я глажу его волосы. Мне так хорошо.

Но самый главный вопрос для меня так и не решился. Говорю ему:

— Ты сейчас кончил в меня.

Поднимает голову, смотрит, я смотрю в сторону, иначе у меня так и не получится сказать.

— И что? — поторапливает меня своим вопросом.

— А что, если я не пила таблетки эти две недели, что ты сделаешь?

— Ничего не сделаю, — отвечает.

Он не понимает, на что я намекаю.

— А если я забеременею? — спрашиваю чисто гипотетически, как будто я не беременна. Сама поражаюсь своей трусости.

— Тогда будешь рожать, — говорит просто.

Я приподнимаюсь на кровати, и он тоже. Первый встаёт и начинает одеваться.

— Ты в этом уверен? — спрашиваю я.

— К чему такие вопросы?

— Ты не отправишь меня на аборт? — продолжаю настаивать я.

Смотрит на меня внимательно, о чем-то соображает.

Я не выдерживаю, продолжаю:

— Ты говорил, что я пойду на аборт...

— Не пойдёшь, — перебивает меня, затем подходит, спрашивает:

— Алиса, ты беременна? — садится напротив меня на колени, уже полностью одетый, а я все ещё голая на кровати.

— Да, беременна, — наконец, произношу вслух.

Минуту молчит и просто смотрит.

Я начинаю переживать, снова дрожь по телу.

Затем Роберт наклоняется, обнимает меня, гладит по волосам, слышу, как бьется его сердце, мне становится тепло.

— И ты поэтому сбежала? Думала, что я отправлю тебя на аборт? Глупенькая маленькая девочка, — говорит и почти смеётся.

— Мне не смешно, — отвечаю я обиженно.

— Ты родишь моего ребёнка.

Теперь я отстраняюсь. Возмущаюсь:

— Что значит «твоего»?

Роберт снова прижимает к себе, улыбаясь:

— Прости, конечно, «нашего». Любимая.

Роберт

Наконец, Алиса засыпает не где-то далеко, а рядом, у меня на плече. Рука затекла, но я не думаю ее убирать, нет, хочу чувствовать близость ее тела...

Смотрю на неё в полусумерках. Какая она красивая, убираю волосы с ее лица. Медленно и глубоко дышит. А я не могу уснуть из-за нахлынувшего возбуждения, сдержался, не знаю как, видно, было, как она уснула в дороге и после всех разговоров сегодняшнего дня.

И в ее квартире, когда у нас случился секс, мне совсем не хотелось жестить. Хотелось быть нежным...

Сколько сегодня раз я произнёс слово «любимая». Не думал, что я на такое способен. Верил, что это для кого угодно, но точно не для меня.

Но пока ее не было эти две недели, я многое успел пересмотреть в своих взглядах.

Все мои мысли изменились.

Какой смысл держаться старых принципов, если я без неё не могу? Если мне без неё п*здц как тошно.

Мне легче притворяться и быть таким, каким она хочет меня видеть, чем жить без неё.

Алиса не верит, что это все взаправду. Не может поверить в искренность моих чувств.

Когда собирала чемодан, все время прерывалась и говорила:

— Я вернусь к тебе, но на моих условиях.

— Хорошо.

— Ты разорвёшь тот контракт? — спросила тихо.

— Я уже его разорвал, — быстро ответил ей.

Разорвал в тот день, как она и пропала.

Я ведь и без ее исчезновения собирался сжечь чертов контракт... Собирался предложить ей новый: брачный.

Да, захотел жениться, чтобы она родила мне сына. Только ей об этом так и не смог сообщить.

Казалось, что если признаюсь, что хочу сделать ее своей женой, то проявлю слабость.

Думаю, если бы не ее побег, я бы все испортил. Не дал бы ей то, чего она хочет. Даже и не подумал произнести то, что сегодня произнёс.

Алиса хочет любви. И достойна любви. Я это давно понял, что ее не устраивает просто секс. Что для нее это нечто большее: понял это по тому, как она на меня смотрит, трогает, обнимает.

А я хотел только договорный союз даже в браке.

Простые договорённости. Все ясно и четко....

Но чем больше дней без неё проходило, тем я больше понимал, что нуждаюсь вовсе не в договорной жене. Хочу, чтобы Алиса меня любила. Я скучал по ее взглядам, нежности, ласке, по тому, как она на меня смотрит.

Я скучал по ощущению, что меня кто-то любит.

Тогда я и принял решение: буду пытаться любить Алису так, как она любит меня. Буду пробовать играть по ее правилам, как она до этого играла по моим.

— Я буду приезжать к тебе каждый день вечером? — спросила Алиса уже в машине.

— Нет, мы будем жить вместе и спать в одной комнате, на одной подушке, под одним

одеялом, — ответил я, не задумываясь, и взял ее за руку.

Она нахмурилась, удивилась.

Я тоже не верю, что все это происходит на самом деле: она любит меня, а я ее. Необычная плоскость отношений для меня.

Но я рад, что узнал о ее чувствах.

Не зря я спрятался в шкафу, когда услышал, что кто-то вошёл в дом. Думал, что увижу ее любовника, а вместе этого получил признание в любви.

Перед сном снова спросила:

— В качестве кого я буду в твоём доме?

— Пожалуйста, перестань гнать лошадей, ты хоть оставь мне что-нибудь на будущее, — я засмеялся и заметил тень улыбки и у неё на лице.

— Ты обещаешь, что будешь теперь учитывать мое мнение и мои желания? И я смогу уйти, если захочу? — никак не унималась моя девочка.

Мне не нравятся такие вопросы. Потому что никогда я ее никуда не отпущу. Тем более, теперь: когда узнал, как мне без неё плохо.

Выкрутился, как мог, ответил:

— Обещаю сделать так, чтоб ты не захотела от меня уйти.

— И ты, правда, хочешь этого ребёнка?

— Конечно, хочу, — кладу руку ей на живот.

Я не буду рассказывать ей, что ребёнок от неё, итак, был в моих планах. Когда мы вернулись в Москву, я даже собирался подменить ее противозачаточные таблетки на витамины. Потому что, как трус, боялся, что она не захочет по доброй воле забеременеть от меня.

Какая удача, что она, итак, забеременела. Возможно, забыла принять таблетки? Теперь неважно.

Конечно, если бы это была другая девушка, я бы не позволил себе так относиться к случайной беременности. Но с Алисой мысль о возможном ребёнке меня давно перестала пугать.

Мне нужен наследник, и он будет от девушки, которую я люблю.

Как хорошо все встало на свои места.

Единственное, я переживаю, что могу все разрушить. Боюсь стать похожим на отца.

Через месяц

Алиса

Прошёл уже месяц, как началась моя новая жизнь. А мне до сих пор все кажется сном.

Иногда такие глупости думаю: например, что попала в аварию и на самом деле лежу в коме, а происходящее — просто игра моего больного воображения.

Да, до сих пор не верится, что в Роберте всегда жило так много нежности и заботы. И он это прятал от меня раньше.

Как приехали в Москву, Роберт нашёл мне лучшую клинику и самого лучшего врача. Он вместе со мной ходит на УЗИ. Знает результаты каждого анализа. И лучше меня помнит, какая сейчас неделя беременности идёт.

Каждый день Роберт мне утром даёт таблетку с нужными витаминами.

Он хотел взять отпуск на работе, но не получилось. Но все равно почти не ездит в офис, работает из дома. И много времени проводит со мной. Очень много.

Каждый день мы ужинаем в новом ресторане. Сегодня вот на одиннадцатом этаже, с красивым видом.

Роберт спрашивает:

— Ты не думала о том, чтобы продолжить съёмки в фильме? Я интересовался. Они ещё не нашли тебе замену.

Я отрицательно качаю головой. Может, это неправильно. Но сейчас во время беременности я нахожусь в таком состоянии, что не хочется никаких движений и внимания прессы.

— Нет. Съёмки с утра до вечера без нормального графика, думаю, что не выдержу, — говорю я, а сама думаю, что мне не хочется целый день не видеть его.

Роберт улыбается.

— Я тоже так подумал, но решил узнать у тебя: вдруг ты хочешь другого.

Улыбаюсь ему в ответ.

К нашему столику подходит яркая девушка, миниатюрная блондинка, локоны у неё уложены, как после салона. Она в белом мини-платье и красном пиджаке.

— Здравствуйте, Роберт Дмитриевич, помните меня? Я Есения.

У меня моментально пересыхает в горле, беру и пью сок, как будто это бокал вина.

— Не помню, — громко произносит Роберт.

Девушка начинает мило хихикать, заправляет прядь волос за ухо, как будто меня здесь нет.

— Ну как же, вы приезжали в гости к моему отцу, Николаеву Виктору, помните? Ещё обещали найти мне место у себя в компании, а я как раз скоро диплом защищу.

— Присылайте резюме на почту, его рассмотрит менеджер по кадрам, если подойдёте, вас возьмут, — говорит Роберт сухо.

Девушка какое-то время стоит, глазами хлопает. Наконец, разворачивается и уходит. Бросает «До свидания». Но не таким милым голосом, каким поздоровалась.

Честно говоря, мне надоело. Это уже не первый раз так. Может быть, Роберт поэтому меня раньше никуда не брал? Потому что не хотел никуда ходить, где есть люди. У него много знакомых девушек из «высшего общества», и все они не дают ему прохода, как я

поняла. Нагло подходят и напоминают: где познакомились, где в последний раз виделись.

Меня, конечно же, всегда игнорируют.

— И сколько их таких? — спрашиваю у Роберта. Я улыбаюсь, хочу показать ему, что, вообще-то, мне смешно. Пусть думает, что меня это нисколько не волнует.

Роберт отпивает вино и отвечает серьезно:

— А что ты хотела? Трудно быть самым богатым холостяком в стране.

В этот момент в ресторане начинает играть медленная музыка. Некоторые пары выходят танцевать в середину зала.

Роберт тоже встаёт и протягивает мне руку.

— Потанцуем?

У меня дыхание перехватывает. И когда я уже перестану удивляться его изменениям?

Мы танцуем, он нежно прижимает меня к себе, но его руки на моей талии лежат властно.

У меня в голове снова фантастические мысли. А может, это брат-близнец Роберта?

А мой, из прошлого, куда-то делся...

— О чем думаешь? — спрашивает меня на ухо.

Улыбаюсь, говорю:

— О том, что ты хорошо танцуешь.

— Хочешь это исправить? — спрашивает полусшепотом.

— Что исправить? — не понимаю я.

— Чтобы я перестал быть холостяком.

Я даже закашлялась от услышанного. Неожиданные намеки.

Песня заканчивается, и мы возвращаемся к своему столику.

Как только я сажусь, Роберт достаёт откуда-то темно-синюю коробочку и пододвигает ко мне. Говорит:

— Ты не ответила на вопрос.

Я оборачиваюсь, смотрю по сторонам. Никто не смотрит в нашу сторону. А в фильмах обычно на таких моментах все начинают аплодировать...

— Какой вопрос был? — как дура спрашиваю.

— Ты выйдешь за меня замуж, Алиса? — Роберт произносит медленно, выделяя каждое слово.

Дышу глубоко, беру салфетку и закрываю лицо. Только не плачь! А то тушь размажется.

Убираю салфетку. И трясую головой в разные стороны, затем киваю и, наконец, говорю:

— Да.

Роберт достаёт кольцо и надевает мне на палец.

Это самое красивое украшение, которое я когда-либо видела. С миниатюрным красным камнем посередине. Идеально сидит на моем пальце. Интересно, как только узнал точный размер?

Мы после этого весь вечер молчим и когда едем домой тоже.

Я, признаться, даже не задумывалась о таком. О предложении. Сердце Роберта я уже получила. А остальное — стало неважным.

Приезжаем домой (да, я так привыкла к этому странному большому дому, что начала называть его домом), поднимаемся наверх.

В спальне Роберт начинает очень медленно меня раздевать.

Он вообще, как узнал о моей беременности, стал очень осторожным. Как будто я

хрустальная ваза, которая может разбиться.

Не скажу, что мне это не нравится, мне все нравится, связанное с Робертом.

И раньше нравилось, как он все делал в постели быстро, бешено и с напором.

И нравится, как сейчас у нас. С долгими поцелуями и ласками. С медленными толчками, и нежными поглаживаниями.

Раньше я как будто сразу прыгала в огонь. А сейчас он меня топит долго... Истязает перед агонией.

Перед оргазмом выдыхаю Роберту в рот «Я тебя люблю». Обычно Роберт отвечает мне: «И я тебя».

А тут говорит новую фразу: «И я тебя, моя будущая жена».

Первый раз так: я одетая стою внизу и жду, когда спустится Роберт. Обычно это я слишком долго кручусь перед зеркалом. Что он так долго делает: не может выбрать галстук? Усмехаюсь.

Наверное, волнуется.

Мои дядя с тетей прилетели из Германии неделю назад. Конечно, мой едва заметный живот можно было скрыть, но я решила сразу открыть правду: сказала, что беременна и собираюсь замуж.

Тетя Вера с дядей Славой, конечно, задали мне тысячу вопросов и пригласили нас вместе на ужин сегодня.

Невыносимо больше ждать, поднимаюсь вверх. Я лишь пошутила про галстук, но, видимо, случайно попала в самую точку: вижу, что на кровати лежат уже пять смятых галстуков. Роберт растерянно смотрит в открытый шкаф.

Подхожу к нему, дотрагиваюсь до спины, он вздрагивает.

— Тебе помочь? — спрашиваю я, хотя вообще понятия не имею, как правильно завязывать галстук.

— Может, мы не пойдём? — ошарашивает меня Роберт.

— Почему? Что случилось?

Вместо ответа он только тяжело дышит, я вижу, как напряжены его плечи.

Подхожу и обнимаю, утыкаюсь носом в его шею. Не знаю, в чем причина его волнения, но хочу его успокоить, перебираю фразы, в надежде, что случайно наткнусь на нужную:

— Да не нужен тебе этот галстук, они самые обычные люди, не волнуйся, знакомство пройдёт хорошо.

Гладит меня по голове, смотрит грустно и спрашивает:

— Ты, правда, этого хочешь? Познакомить меня со своей семьей?

— Конечно, ведь ты тоже скоро будешь моей семьей.

На лице Роберта мелькает грустная улыбка, а у меня появляется какая-то тревога внутри. Но мы берём друг друга за руки и спускаемся.

Молча доезжаем до квартиры дяди и тети.

Нам открывает дверь радостная тетя Вера, в доме пахнет очень вкусной домашней едой. Как же я соскучилась по такой пище.

Дома я даже к плите подойти боюсь. Во-первых, Роберт скажет, чтобы я не занималась ерундой, мы все равно поедем ужинать в ресторан.

А во-вторых, на случай, если захотим поесть дома, у него есть личный повар. Да, вкусно и изысканно готовит. Но мне быстро все приелось. Я соскучилась по простой еде.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, почувствуйте себя как дома, — говорит тетя традиционную фразу, по ее голосу понимаю, что она тоже волнуется.

Мы проходим в гостиную, где посередине накрыт большой стол, да с такими блюдами и сервировкой, как будто они ждали по меньшей мере человек десять.

Я сажусь рядом с Робертом, чтобы мысленно было ближе посылать ему лучи поддержки.

Садимся за стол, Роберт достаёт свой подарок — дорогую бутылку вина. Дядя открывает, разливает по бокалам, всем — кроме меня и Пашки. Мы с ним пьём сок.

— За встречу, — говорит дядя, все радостно чокаются.

Я вдруг понимаю, почему Роберту неудобно: конечно, он не привык к простой домашней обстановке. И к атмосфере, где не нужно каждую минуту притворяться бизнесменом, а можно побыть простым человеком.

Я сама накладываю Роберту салат, мясо, картошку. Он не возражает, сидит молча.

— Ну, рассказывайте, где вы познакомились, — начинает мой дядя.

Я застываю. Вот уж и не знаю, что говорить. Во-первых, я забыла, вдруг я для них уже придумывала какую-то ложь?

Во-вторых, с Робертом мы так и не договорились. Что будем отвечать на такие вопросы.

— Увидел ее на кастинге фильма, я там оказался случайно, — начинает Роберт.

С удивлением смотрю на него и улыбаюсь. Вспоминаю, как при первой встрече с ним я, правда, искренне думала, что пришла на кастинг.

Дальше уже тетя спрашивает у меня про беременность.

Успели ли мы узнать пол ребёнка? (Нет)

Есть ли у меня токсикоз? (Тоже нет)

И так далее.

Потом Пашка начал рассказывать о своих успехах в Германии.

Может быть, мне только показалось, но Роберт улыбался, пока его слушал.

Постепенно после нескольких тостов атмосфера становится все более и более дружеской.

Роберт в основном молчит, но над шутками дяди смеётся.

Когда мы выходим от гостей и идём к машине с водителем, у меня очень тепло на душе. Кажется, он им понравился, и они ему тоже. Все как у обычных людей. И сейчас даже не скажешь, что у нас все начиналось необычно.

Едем домой, сидим сзади на пассажирском сиденье, кладу голову ему на плечо. Спрашиваю:

— Ну, как тебе?

— У тебя хорошая семья. Тебе повезло, — отвечает так, как будто весь вечер эту мысль обдумывал.

Я закрываю глаза и случайно засыпаю, просыпаюсь ненадолго, когда Роберт выносит меня из машины.

Я уже не сплю, когда он заносит меня в спальню, но все равно не сопротивляюсь тому, что он меня переодевает в сорочку. Спрашиваю:

— А когда ты меня познакомишь со своей семьей?

— Мне не с кем тебя знакомить. Мама давно умерла.

— А отец?

Роберт хмурится. Молчит.

— Я не хочу вас знакомить.

— Почему? — упрямо спрашиваю, хотя вижу, что затронула неприятную для него тему.

Роберт не отвечает, просто идёт в ванную, закрывает дверь.

Мне ничего не остаётся, как повернуться на бок и заснуть.

День начинался так замечательно, кто бы мог подумать, что он так плохо закончится...

Мы вместе с Робертом едем на УЗИ, сегодня узнаем пол ребёнка. Мы говорили об этом несколько раз: Роберт прямо сказал, что хочет сына.

«Но, если будет девочка, ничего страшного, следующий будет сын».

Странно, но меня несколько это не ранит. Только улыбку вызывает. Конечно, Роберту нужен наследник. И не посмеёшься ведь: «Какое наследство собираешься передавать-то?». У него, правда, есть что передавать: никто не спорит. Но я думаю, Роберт глубоко заблуждается насчёт того, что ему непременно нужен мальчик, а не девочка.

Так и со мной заблуждался: думал, что страсть утихнет через пару месяцев упорных «занятий». И насчёт себя ошибался, что не создан для нормальных отношений и семейной жизни.

Скоро полгода, как я живу в сказке. И месяц, как мы поженились.

Ни я, ни Роберт не хотели пышную свадьбу, на нашей церемонии присутствовали только мои родственники (дядя с тетей и Пашка). У меня было такое счастливое предсвадебное настроение, что я на добрых чувствах даже решила и маму свою пригласить, но она прислала только открытку и не пришла...

Не могу ее винить. Она искренне верила, что так не бывает: миллиардер и обычная девушка. Правильно сделала, что не пришла. Согласна: неприятно смотреть, как твои убеждения превращаются в пыль.

Я долго упрашивала Роберта пригласить своих родственников, близких друзей... Он категорично отказывался. Я даже в интернете поискала про его родных. Ничего не нашла. Что случилось у него с отцом, из-за чего они в таких плохих отношениях, я так и не поняла.

После регистрации мы праздновали дома. И хоть это была обычная привычная обстановка, мы вдвоём, в душе, как никогда, радостно. Мы много танцевали.

Я в красивом белом платье, все как полагается жене миллиардера: дорогого известного дизайнера. Такое платье, блестящее светящееся, можно на красной дорожке показывать. Но мне достаточно, что на меня восхищенно смотрит только один человек в этот день — мой любимый мужчина. Никто больше и не нужен.

После мы закрепили брачный союз в нашей спальне. Я была сверху, потому что мне так захотелось. Роберт потом долго шутил, что есть такая примета (думаю, сам ее придумал), что раз жена в первую ночь всем руководит, то и по жизни будет руководить мужем.

Ерунда, конечно. Я, наоборот, уже давно ничем не руковожу в своей жизни. Просто бросилась в его объятия, там на Гавайях, и до сих пор лежу в них, наслаждаюсь, как мне хорошо и спокойно.

После нашей свадьбы вышло очень много статей в интернете. Некоторые начинались с фразы «Женился самый завидный жених...». Некоторые — «Перспективная молодая актриса вышла замуж за миллиардера...».

Про мою карьеру начали писать такие глупости: что я бросила все из-за удачного замужества, что это условие моего мужа...

Сплетни.

Я убедилась: не так уж и хорошо быть публичной личностью.

Один плюс — все эти ушлые девицы перестали подходить к Роберту в общественных

местах. Не знаю, может, они его поджидают там, где меня нет...

Роберт предлагал сразу после свадьбы поехать в путешествие, но я решила дождаться второго УЗИ и скрининга. А потом уже поехать, если все хорошо.

И вот сейчас мы идём на долгожданное УЗИ. Узнаем пол. И уже послезавтра, если все хорошо, летим отдыхать. Наш медовый месяц. А куда именно — это секрет. Роберт просто говорит, что мне понравится. Ну, это ли не сказка?

Я ложусь на кушетку, Роберт садится рядом на стул. Врач намазывает мне живот и начинает водить датчиком, долго диктует медсестре и записывает какие-то показания. Нам лишь сухо сообщает: «Все хорошо».

Наконец, спрашивает:

— Пол узнавать будем?

— Да, — отвечает Роберт за обоих.

Три минуты длятся целую вечность, у меня сердце от ожидания начинает стучать как бешеное. Хотя для меня никакой интриги нет: я буду рада одинаково любому полу.

— Это мальчик, — уверенно произносит врач.

Роберт счастлив: улыбается.

Нет, один плюс того, что первый мальчик все-таки есть: при следующих беременностях можно спокойно рожать девочку и не переживать о «наследнике».

Мы выходим из клиники, Роберт обнимает и целует меня, говорит:

— Ты исполняешь все мои мечты.

— Ну ты ведь и девочке так же радовался бы, да?

— Я пока не привык и к одной любимой девочке, родишь дочь попозже, — говорит он и щёлкает меня по носу, как будто я маленькая.

— Мне нужно срочно на работу, ничего страшного? — спрашивает через минуту.

— Да, конечно.

Роберт уезжает на такси, а машину с водителем оставляет на меня. Я сажусь в машину и долго думаю, куда поехать.

Решаю пойти в торговый центр, живот сильно вырос, одежда стала мала в талии. А послезавтра мы улетаем. Думала, что могу купить вещи за границей, но Роберт не говорит мне, куда именно мы летим. Так уж и быть: похожу по магазинам сегодня.

Меня везде по-прежнему сопровождает охранник-телохранитель. Только теперь меня это никак не беспокоит. Привыкла. Даже хорошо: поможет мне покупки донести потом.

Я возвращаюсь домой поздно, нагруженная многочисленными пакетами: увлеклась и кроме одежды себе, купила первую одежду и для малыша.

Я думала, что Роберт ещё на работе, потому что свет нигде не горит. Поэтому когда я зашла на кухню чего-нибудь перекусить, испугалась его внушительной фигуры, сидящей за столом.

— Блин! Напугал. Ты чего тут сидишь в темноте? — подхожу к нему.

Роберт встаёт и бросает в мою сторону какой-то свёрток, в темноте не могу разобрать, что это.

Кричит:

— Ты можешь объяснить мне, что это значит?

Я сильно пугаюсь. Давно не слышала в его голосе таких металлических ноток. Даже сын начинает сильно пинаться, кладу руку на живот, чтобы его успокоить. Слышу, как Роберт тяжело дышит. Как бык, которого провоцируют красной тряпкой. — Успокойся, что случилось вообще? — спрашиваю, стараюсь говорить ровно. — Подними и прочитай, — приказывает, указывая пальцем на свёрток.

Я поднимаю с пола. Оказывается, это листок, вырванный из какого-то журнала. Плохо видно в темноте, надо бы включить свет, но я боюсь пошевелиться.

Глаза привыкают к темноте, и я пробегаюсь глазами по строчкам.

Статья про меня.

Алиса Одинцова. С кем ещё встречалась жена миллиардера?

Алиса Одинцова известна публике по своей роли в одном фильме. Стало известно, что она встречалась раньше с другим актером этого фильма — Борисом Макаровым...

Дальше я читать не стала, бред какой-то. Я вообще этого Борю смутно помню. У него эпизодическая роль, мы с ним почти не разговаривали.

А на другой стороне вижу фотографии. Девушка на одном фото обнимает Бориса, на другом — целует, очень сильно похожа на меня. Очень сильно. Я бы тоже подумала, что это моя фотография. Но как? Откуда.

Я отодвигаю стул и сажусь.

— Что ты на это скажешь? — спрашивает Роберт, и я все ещё слышу в его голосе неприкрытую злость.

— Я не понимаю... Это неправда, конечно же.

— Ты встречалась с ним за моей спиной, пока снималась в фильме? — подходит ко мне.

Чувствую запах алкоголя: значит, пил. Это усложняет задачу привести его в чувство. Я туго соображаю: как себя вести, чтобы успокоить его?

Роберт никогда не поднимал на меня руку, а почему-то сейчас я этого боюсь.

— Поверь мне, — бессильно шепчу, из глаз капая слёзы.

Хотела быть собранной и спокойной, а в итоге сломалась через минуту.

Он хватает меня за руку, как быстрый зверь, и тащит. Я еле поспеваю. Я, итак, не против идти, но он продолжает меня именно тащить за собой.

Заводит меня в свой кабинет и закрывает дверь на ключ.

— Посидишь здесь, пока я не решу, что с тобой делать, — слышу его голос.

И через минуту добавляет так, как будто уже принято решение:

— Родишь мне ребёнка и катись из этого дома к своему Боре.

Я сажусь на пол, кладу голову на колени и плачу. Понимаю, что он не в себе и пьян, но мне так обидно слышать эти слова.

Так просто взял поверил и отказался от меня.

То, что у пьяного на языке — у трезвого на уме.

Так говорят?

Значит, не такая уж и настоящая его любовь?

Почему не поговорил со мной сразу?

Почему не дал проверить информацию своим людям?

Почему, в конце концов, не заглянул в свое сердце и не понял, что я не способна его обманывать.

***

Роберт открыл дверь только утром, я сидела на его кресле за рабочим столом, взгляд у него был не такой злой, как вчера, но очень уставший. Наверное, тоже не спал всю ночь.

— Выходи, сходишь в туалет и позавтракаешь, на кухне повар тебя обслужит, — говорит, и я понимаю: он все ещё в плену своих заблуждений.

— Мне не надо в туалет, все слезами вышло, — огрызаюсь я.

Встаю. Иду мимо него.

Очень плохо себя чувствую. На самом деле, мне, правда, надо и поесть, и в туалет сходить, и отдохнуть.

Но плохо мне не от этого. Гадко на душе, что из-за какой-то глупости счастливая жизнь трещит по швам.

Останавливаюсь рядом с ним. Мы соприкасаемся плечами и смотрим в противоположные стороны.

— Как ты мог так поступить? Почему ты веришь газетам из желтой прессы?

Боковым зрением вижу, что теперь он на меня смотрит, но я и не думаю поворачивать голову в его сторону. Продолжаю говорить все, что надумала за долгую ночь:

— Ты неисправимый эгоист! Как можно было закрыть меня в комнате? И кстати, если тебе интересно, откуда фотографии: они слепили их из кадров второго фильма, который я бросила. Оттуда и сцена поцелуя и объятия, только актёр другой. Это нетрудно было выяснить, если бы ты захотел. Но ты никогда никого слушать не хочешь.

После этого я уйду, он не пытается меня догнать и ничего не говорит. Иду в ванную, долго сижу в душе.

Затем ложусь на кровать и засыпаю. Меня будит домработница, та женщина, которой я сначала не понравилась. Мы с ней в последнее время стали хорошо общаться, ее зовут Лариса.

— Простите, что разбудила, мне Валерия, повар, сказала, что вы ничего целый день не ели! А уже четыре часа. Так нехорошо, вы же ребёнка носите. Я вам принесла сюда! Поешьте.

Я присаживаюсь, у меня голова кружится, но голода я как будто не чувствую.

— Спасибо, а Роберт уехал?

— Конечно, ещё утром.

И выходит из комнаты.

Я ем, но вкуса не чувствую. Вспоминаю дни, когда я сбежала от Роберта: было то же самое. Ничего не хотелось делать.

Я без него не могу. Не могу быть с ним в ссоре. Наверное, это плохо, это зависимость или любовь? И что с этим делать?

Вечером Роберт тихо заходит в нашу спальню, садится рядом.

По одному взгляду вижу, что теперь он все понял, видимо, все-таки заказал экспертизу.

— Ну что? — спрашиваю я.

— Как ты себя чувствуешь?

— А какая тебе разница? — целый день страдала и хотела помириться, но сейчас во мне снова вспыхивает злость.

— Прости меня.

— Ты обещал, что не будешь так со мной поступать!

Честно, я ожидала, что он ещё раз попросит прощения, обнимет меня, и я все забуду.

Но Роберт снова меня удивляет. Встаёт, начинает ходить по комнате, резко произносит:

— Ты права! Не надо было мне и пробовать заводить семью, у меня не получается тебя любить. Я знал, что все испорчу.

Он снова садится на кровать и обхватывает голову руками. Нет, такое зрелище мое сердце не выдержит. Я подползаю, сажусь рядом, обнимаю его широкие плечи.

Какое-то время Роберт не реагирует, затем расслабляет мышцы и пускает меня в свои объятия.

Мы крепко обнимаемся. Чувствую каждой клеткой тела, какая между нами настоящая близость. Такое не создать искусственно. Я его люблю. И он точно любит меня, чего бы он ни напридумывал себе.

Я начинаю говорить:

— Не надо из-за одной ошибки перечёркивать любовь. Все эти месяцы нам же было хорошо! Я знаю, что ты меня любишь, и я тебя люблю.

Роберт молчит.

Я прошу его:

— Пожалуйста, расскажи мне, что случилось? Почему ты думаешь, что не умеешь любить?

Снова молчит.

— Это связано с твоим отцом?

Роберт отстраняется. Но берет мою руку в свою. И гладит по линиям ладони.

— Хочешь послушать мою историю? — грустно спрашивает.

Я киваю.

И он рассказывает.

Роберт говорит спокойным ровным тоном.

— Меня воспитывал фактически отец. Человек, которому нужно было лечение. Я так сейчас думаю.

Тяжело дышит, продолжает:

— Все мое детство я видел, как отец получает удовольствие оттого, что бьет и связывает женщин. Они были для него товаром или игрушкой. Он учил меня относиться к ним так же. Иногда прямо посреди нашей гостиной была девушка, закованная в цепи. Иногда все происходило в его особой комнате.

Я думал, что это нормально, что так у всех происходит. Собственно, и моя мама тоже не обращала на это внимания.

Его любовницы приходили, какое-то время жили у нас дома и уходили. А жизнь текла обычным чередом.

Но однажды я увидел, как отец бьет мать. И не ради удовольствия, а просто потому, что разозлился. Я стал случайным свидетелем их ссоры. Мама плакала и просила прекратить. Я первый раз видел женщину, которой не нравились папины методы. Мне было лет шесть. Не помню, что я сказал, но отец предложил получать наказание за мать, и стал приходить наказывать меня, каждый раз когда они ругались.

Роберт замолчано, я глажу его рукой по спине. Снова начинает говорить:

— Мать никогда не заступалась за меня, приняла все как данность. Сейчас мне кажется, что у неё была депрессия, ей самой нужна была помощь. Ей на все было наплевать.

Через два года она заболела гриппом и умерла в больнице. Отец особо не горевал. После ее смерти он перестал меня наказывать, зато стал водить в свою комнату и демонстрировал разные приспособления, показывал видео. Как лучше связывать, сколько нужно бить. 'К'н'и'г'о'е'д'.'н'е'т'

Я ни на секунду тогда не сомневался, что отец может быть каким-то не таким. Он управлял огромной компанией, был уважаемым человеком. И то, что происходило у нас дома. Я думал, это обычно.

— И когда ты перестал так думать? — нетерпеливо перебиваю.

— Отец внезапно сильно изменился. Женится второй раз на молодой девушке. Красивая и хрупкая девушка. Ее звали Мишель. Вот тут я понял, как обычно бывает в настоящих семьях. Долгое время не было никаких любовниц, а значит и унижений, насилия, боли. Казалось, отец научился получать наслаждение отчего-то другого..

А затем он сорвался. Выпил, привёл в дом другую. Мишель устроила скандал, он запер ее в подвале.

Я помог ей бежать. А она вернулась через неделю и сказала, что любит моего отца, не может от него уйти.

Затем история повторилась. Но я уже не помогал Мишель.

Через пару лет они развелись, я стал думать, что любовь — гадкое чувство, раз она заставляет возвращаться к тому, кто причинил тебе боль.

В старших классах я съехал от отца. И мы стали редко видеться. Затем он передал мне бизнес. Пару лет назад ему поставили Альцгеймера. Сейчас он находится в частном пансионате в США.

Роберт долго молчит.

Мы больше ни о чем не разговариваем, ложимся спать, и всю ночь обнимаемся. Наверное, так восстанавливаемся в объятьях друг друга.

Конечно, я долго не могу заснуть и думаю о сказанном сегодня. Роберт же не воспитывался нормальными людьми.

Теперь понимаю, почему он так избегал нормальных отношений.

Во-первых, потому что он понятия не имеет, что такое нормальные отношения. Только если из фильмов и книг?

Во-вторых, он видел, к чему приводит любовь. Его мать... Мишель.

Вся надежда только на меня. Мне нужно показать ему, что настоящая любовь на самом деле не причиняет боль.

Роберт

Последние месяцы были просто райскими. Не знал, что так бывает.

Просыпаться рядом с Алисой, заниматься сексом, когда захочется, целовать.

Мне все с ней нравится. Даже простой разговор о будничных темах доставляет удовольствие.

Я ее действительно люблю. По-настоящему. Теперь я в этом уверен.

Единственное, счастье омрачало мое убеждение, что скоро все испортится. Что нельзя быть таким счастливым, что это скоро закончится.

Сначала я боялся, что все изменится после свадьбы. Но нет. Все осталось по-прежнему. Все то же самое наслаждение другу другом, только с кольцами на пальцах.

И я стал ждать других потрясений. И когда увидел ту статью, ни на секунду не усомнился. Подумал, что пришло мое возмездие за счастье последних месяцев.

Дурак, идиот. Все чуть не про*бал. Как можно было закрыть ее беременную в кабинете на ночь? Спятил от гнева, как мой отец.

Не знаю, что со мной было. Но я сам себя испугался.

Алиса нашла выход. Подобрала слова, чтобы привести меня в чувства. Я и не думал, что когда-нибудь расскажу ей историю своей семьи. Не собирался. Это то, чего я стыжусь и что хочу забыть. Но Алиса сделала так, что я расколосся, выложил ей все как на духу.

Странно, но почувствовал себя лучше, когда она узнала. Как будто раньше я тратил много сил, чтобы скрывать от неё часть себя, а сейчас перестал. Теперь она все обо мне знает. И хорошее, и плохое.

И ведь до сих пор любит. Обнимала меня всю ночь своими хрупкими руками. Моя маленькая любимая девочка.

Алиса

Открываю глаза на рассвете. Чувствую, как Роберт будит меня моим любимым способом: раздевает и целует. Сначала в лоб, потом в нос, затем в ключицы.

Берет в рот мой сосок. Водит языком.

Нет, разве возможно долго на него сердиться?

Я мгновенно наполняюсь желанием, чувствую, как мое лоно активно начинает вырабатывать смазку.

Хочу его. Хочу, чтоб он всегда со мной так мирился. Конечно, ссориться с ним не хочу. Но если он меня всегда так будет ласкать после того, как провинился, я готова ему все простить. Заранее сдаюсь в добровольный плен.

Роберт делает все медленно, а мне не терпится, я сама стягиваю с себя трусики и раздвигаю ноги.

Но он продолжает меня мучить. Гладит пальцами внутреннюю поверхность бедра.

Я закусываю губу.

— Хочешь? — спрашивает мой мучитель.

— Да, пожалуйста, — говорю шёпотом.

Но он не торопится. Кладёт мою руку к себе на боксеры, я чувствую его твёрдый член. Свожу ноги, закрываю глаза, представляю, что он скоро будет во мне.

Роберт раздвигает мои колени обратно. Дотрагивается до моих половых губ пальцами. Я

тяжело дышу.

Наклоняется и целует меня в губы.

Наконец, и у него срывает крышу от желания. Он быстро стягивает трусы и входит в меня с громким рыком. Быстро двигается. Я теряю ощущение реальности: ничего не слышу, не вижу, только чувствую, как его каменный член двигается во мне и как мне хорошо, приятно. Как скоро станет еще лучше. И ещё. Вот-вот я готова взорваться. Но так не хочется. Хочется продлить наслаждение.

Пожалуйста, пусть это длится подольше. Умоляю сама себя. Хочу подольше изнывать от ласки в его руках. Пытаюсь расслабить мышцы и ровно дышать, чтобы отсрочить подступающий оргазм.

Еле слышно до меня доносится голос Роберта, как будто откуда-то издалека:

— Какая ты мокрая, моя сладкая малышка.

От этих слов я теряю контроль над своим телом. Впиваюсь ногтями в его спину и кончаю с тихими, но долгими стонами.

Мы долго лежим и обнимаемся после. Не можем оторваться друг от друга. Или просто неохота вставать. Роберт тихо спрашивает:

— Ты точно на меня не сердишься?

Я отрицательно качаю головой. Говорю:

— Нет, я люблю тебя. Я знаю, что ты больше такого не допустишь.

Целует меня в губы и крепко обнимает. Говорит:

— Спасибо, любимая.

Алиса

Хочу быстро выскользнуть из гримерки, но не получается. Журналистка появляется из-за угла:

— Алиса Шевцова, пожалуйста, можно взять у вас интервью?

Первая мысль — отказать и убежать, но я смотрю на молодую милую девушку. Ведь, наверное, только в университет поступила. Может, первая работа, вспоминаю себя. Говорю:

— Хорошо. Но меня ждут, так что я могу ответить только на пару вопросов.

Радостно кивает, включает диктофон:

— Вы подавали большие надежды как актриса кино, почему в итоге решили выбрать театр в качестве основной своей сцены?

Предсказуемый вопрос, много раз на него отвечала, я ожидала более оригинальных речей от молодой девушки. Но все равно рассказываю в сотый раз:

— Это благодаря моему мужу. Когда мы были в Европе, он сводил меня на все известные театральные постановки. Раньше мне не нравился театр, но после того как я увидела постановку «Макбет» в Лондоне, появилось желание играть в театре.

Девушка восхищенно открывает рот, как будто слышит историю первый раз в жизни. Видимо, она не относится к числу моих фанатов. Задаёт следующий вопрос:

— У вас двое детей, тяжело совмещать с работой?

— Нет, я играю только в нескольких спектаклях, чтобы была возможность большую часть времени проводить дома. Это тоже благодаря моему мужу, у меня нет такой задачи — побольше заработать. В этом, может быть, и секрет моей популярности: я играю только ради своего удовольствия и все.

— Видно, вам очень повезло с мужем, — говорит журналиста.

— Да. И я не хочу заставлять его больше ждать, извините.

На этот раз убегаю от девушки. Зря только время потратила. Такую информацию обо мне можно найти в интернете за пару минут.

Роберт ждёт меня прямо у заднего входа. С цветами, как всегда.

Подхожу и страстно целую его в губы. Он крепко обнимает меня за талию, улыбается и говорит:

— Ты великолепно сыграла.

Я смеюсь:

— Ты видел этот спектакль десять раз. Можешь перестать себя мучить. Тебе необязательно смотреть его каждую неделю.

— Я люблюсь женой! Этого ты мне не запретишь!

Беру его под руку, и мы идём привычным маршрутом. По знакомым московским улочкам.

Как у нас появились дети, мы стали больше ценить такие минуты: когда можно провести время только вдвоём. Даже целый ритуал выработался. Он встречается меня после театра, мы гуляем вдвоём.

Иногда играем в ролевую игру. Роберт называет ее «Пленница миллиардера».

Он заранее снимает номер в гостинице. Как раньше. Завязывает мне глаза. И мы с ним обо всем забываем примерно на полтора часа.

Я забываю, что я уже пять лет как примерная жена и мать двоих детей: гиперактивного мальчика Артура и не менее бойкой девочки Влады.

Вот и сейчас он ведёт меня в отель. Вспоминаю: много лет назад тоже были здесь. Но сейчас все по-другому. Тогда это было моей обязанностью, а теперь лишь приятная часть жизни.

Мне нравится заниматься с ним любовью в отеле.

Нет, это не значит, что у нас дома секса нет. Конечно есть. Когда дети спят. Но обычно приходится сдерживаться и слишком сильно не шуметь. А с Робертом мне не хочется сдерживаться. Вот мы и придумали такой ритуал пару раз в неделю обычно после моих спектаклей.

Возвращаемся домой уставшие. Дети все ещё не спят. Няня не может их уложить без нас. Ждут сказку от мамы. И чтобы ещё непременно папа укрыл одеялком.

Переодеваемся и укладываем детей спать. У Артура и Влады разница меньше двух лет. Они в какой-то момент стали неразлучными. Даже спать в одной комнате захотели. Мы не препятствовали. В будущем, конечно, кто-то из них захочет отдельную спальню. В большом доме Роберта это не проблема.

Я специально читаю без интонации, однотонным голосом. И дети быстро засыпают.

Выхожу из детской и иду в нашу спальню. Поверить не могу, что раньше мне этот дом казался неудобным. Сейчас все по-другому: это место моей силы, место, где растут мои дети и где живет моя семья.

Многое мы вместе переделали (детские, немного изменили нашу спальню). Ещё Роберт сделал для меня отдельную гардеробную и выделил мне место под кабинет... Хотя он мне не особо сейчас нужен: это раньше, как только родился Артур, я приходила туда побыть в одиночестве и наполниться силами.

Воспитывать детей трудно. Сначала мне даже казалось, что мою прежнюю жизнь просто взяли и украли. Отняли мою свободу...

Роберт много переживал, что будет плохим отцом, а по итогу оказался родителем даже лучше меня. Ему было не в тягость вставать по ночам, менять памперсы, качать на руках...

Он отменил всю свою работу и много времени проводил дома.

Но я все равно сильно уставала.

Хоть я и сопротивлялась, он настоял на няне, когда Артуру было полгода. И нашёл очень милую женщину, которая до сих пор нам помогает.

Постепенно я ко всему привыкла, жизнь с детьми перестала казаться мне слишком трудной. Мы стали вместе ездить в отпуск. У меня появилась работа в театре.

Я захожу в спальню, Роберт откладывает книгу, которую читал, и смотрит на меня. Протягивает руку, приглашая меня в его объятия, я ложусь к нему на плечо. Он выключает свет.

Я думаю, что мы просто будем спать. Ведь меньше двух часов назад мы были в отеле и занимались там жарким сексом. Но Роберт начинает целовать меня. Шепчет на ухо:

— Я тебя люблю.

Улыбаюсь: сейчас он говорит мне нежности, а в отеле были такие непристойности, что и вспоминать стыдно. И все это уживается в одном человеке.

— Я тебя обожаю, — говорю ему искренне.

Иногда мне кажется, что после появления детей, страсти между нами стало даже больше. Появились, конечно, и ограничения: когда дети дома, сексом не займёшься в любую

минуту и не будешь делать это, например, на кухне, как раньше.

Но Роберт всегда находит время и силы.

Это все любовь.

Она у нас началась с его похоти и желания обладать.

Кто бы мог подумать, что страсть изменит нас обоих. И перерастет в такое большое чувство.

Больше книг на сайте - Knigoed.net